

Короткие

смешные

рассказы

© неuzzi

У каждого в жизни бывали случаи, при упоминании которых окружающие смеются до колик. Забавные происшествия, которыми хочется поделиться со всем миром. Истории, от которых даже самые унылые меланхолики не могут сдержать смех.

В этой книге собраны юмористические истории из жизни. Собраны с той целью, чтобы в любую непогоду заряжать праздничным настроением и вызывать улыбку. Ведь порой от улыбки до позитивного мышления не такая уж и пропасть! Всего-то шаг. Всего-то одно перелистывание страницы.

- [Короткие смешные рассказы о жизни](#)

- - [Нина Левина](#)
  - [Нина Левина](#)
  - [Галина Димитрова](#)
  - [Олег Гонозов](#)
  - [Юлия Чаглуш](#)
  - [Татьяна Попова](#)
  - [Татьяна Попова](#)
  - [Геннадий Авласенко](#)
  - [Алексей Артемьев](#)
  - [Владимир Ржин](#)
  - [Вячеслав Майоров](#)
  - [Марат Валеев](#)
  - [Павел Гушинец](#)
  - [Павел Гушинец](#)
  - [Павел Гушинец](#)
  - [Об авторах](#)
-

Короткие смешные рассказы о жизни

В рамках проекта «Юмор лечит»

Выпуск 1

Авторы *Нина Левина, Галина Димитрова, Олег Гонозов, Юлия Чаглуш, Татьяна Попова, Геннадий Авласенко, Алексей Артемьев, Владимир Ржин, Вячеслав Майоров, Марат Валеев, Павел Гушинец*

Редактор *Дина Рубанёнок*

Руководитель проекта *Максим Суворов*

Дизайнер обложки *Наталья Лебедь*

Нина Левина

Фото на партбилет

Этот случай произошел со мной сразу после окончания института, как только я приступил к работе инженером-звукотехником в кинотеатре. Отец отчима, дед Жора, начал настойчивую кампанию по моей обработке на немедленное вступление в партию.

– Ты молодой советский инженер, – каждый вечер начинал он крутить свою пластинку, – а партии нужны перспективные свежие кадры. Ты несешь культуру в народные массы, а с мудрой партийной поддержкой будешь делать это правильно и более успешно. – И так далее в том же духе.

Но так как в студенческие годы я был активным комсомольцем и при этом успел поработать внештатным сотрудником ОБХСС и уголовного розыска, то мне неоднократно доводилось принимать участие в арестах и задержаниях членов партии. Поэтому я обычно парировал деду:

– К чему это? Я уже повидал немало проходимцев и среди партийных работников!

– Тем более! Такие люди, как ты, нужны нам! вступишь в партию и поможешь очистить ее от несознательных элементов! – продолжал гнуть свое дед.

Что-то, а уговорить вступить в партию дед Жора мог даже мертвого. Аккуратный седой старичок всю жизнь преуспевал на этой ниве. Его карьера неразрывно была связана с партийной работой, к нему относились с уважением и назначили главой комиссии по приему в партию одного из райкомов столицы.

Как говорится, вода камень точит. Так и постоянные увещевания деда Жоры сделали свое дело. Я подумал: «А что? Действительно, надо вступить в партию. Я молодой и перспективный инженер. Опять же, и в карьерном росте это может пригодиться, и с проходимцами изнутри бороться легче». Решено! В один прекрасный день я надел чистую белую рубашку, отутюженные брюки, тщательно причесался и в приподнятом настроении отправился в свой райком, где, как мне казалось, меня тут же встретят с распростертыми объятьями и непременно похвалят за примерное рвение.

В райкоме мне указали кабинет, в котором проводился прием документов от кандидатов на вступление. В кабинете, с трудом вмещающая в кресло заплывшее жиром от нервной работы тело, сидел человек, в руках которого оказалась моя дальнейшая судьба и мои же документы. Я не помню точно фамилию, но можно условно назвать его – товарищ Кондратюк.

Товарищ Кондратюк долго просматривал мою анкету, иногда бросая на меня подозрительно неодобрительные взгляды. После третьего такого взгляда мое приподнятое настроение начало медленно испаряться, и я занервничал, не понимая, что же в кристально чистой биографии может вызвать такое неодобрение.

Наконец товарищ Кондратюк отложил в сторону бумаги и, тяжело отдуваясь, спросил:

– Так кем, молодой человек, работаете?

– Инженером в кинотеатре.

– Инженере-е-ером! – презрительно протянул товарищ Кондратюк. – Интеллигентшишко! А партия у нас чья?

– Чья? – не понял я вопрос.

– Партия у нас рабочих и крестьян, то есть пролетариата. А не интеллигентов разных.

С вами хлопот потом не оберешься! Не-ет, молодой человек! Партии нужны пролетарии! И точка! Так что забирайте ваши документики, такая кандидатура нам не подходит!

Горькая обида застилала мне глаза. Больше ни о чем не спрашивая, я сгреб свои бумаги и пулей выскочил из райкома.

Вечером я, как мог, отвязался на деде Жоре.

– Партии нужны молодые и перспективные, говоришь?! – кричал я, размахивая руками перед дедом. – А мне сегодня твоя партия в лице товарища Кондратюка вот такенный кукиш показала. «Инжене-е-ер!» – передразнил я товарища Кондратюка. – Мне впервые стыдно стало, что я высшее образование получил! Оказывается, раз у меня на руках мозолей нет, так я жалкий интеллигентишко!

Дед все терпеливо выслушал и ничего не сказал. Только с утра надел свой парадный костюмчик и куда-то отправился. Я же быстро позавтракал и помчался на работу.

Аккурат перед обедом забегаю ко мне киномеханик и говорит:

– Сережа, выйди на минутку, там к тебе пришли.

Выхожу. Стоит мой дед Жора в костюмчике, меня дожидается. Увидел меня и говорит:

– Сережа, сейчас же срочно беги в свой райком партии к товарищу Кондратюку. Он тебя ждет.

– Что? – возмутился я. – К этому борову толстому? Я у него вчера был, не пойду больше.

– Сережа, не дури! – прикрикнул на меня дед. – Сказано – срочно и ждет.

Делать нечего, отпросился я с работы на пару часов и помчался в райком. Захожу в знакомый кабинет, и что я вижу! Товарищ Кондратюк при виде меня расплылся в нежнейшей улыбке. Он, бедняга, еле вытащил себя с обоих боков из кресла и всей колышущейся массой бросился мне навстречу.

– Сергей, проходите, пожалуйста! – заявил он, тряся меня за руку. – Ну как же так? Такое недоразумение вчера! Надеюсь, вы забудете этот нелепый инцидент? Что же вы сразу не сказали, что у вас такой поручитель? Нехорошо получилось. – Он захихикал, а потом перешел на деловитый тон. – Так, у нас очень мало времени! Нужна срочно ваша фотография на партбилет!

– Но у меня сейчас нет, – бормотал я растерянно, обескураженный таким неожиданным приемом. – Я могу на днях сделать и занести.

– Ни-ни-ни, – энергично замотал он головой. – Никаких «на днях»! Сегодня же! Срочно! С меня спросят! Здесь на соседней улице есть фотоателье, там быстренько сделаете – и ко мне!

– Так у меня даже белой рубашки нет. И галстука! – пробовал я возражать. – Я в цветной рабочей тенниске!

– Не проблема! – воскликнул товарищ Кондратюк. – Я сейчас дам вам свою. И галстучек тоже.

На моих изумленных глазах товарищ Кондратюк, тяжело дыша и путаясь толстенькими пальцами в пуговицах, начал снимать свою рубашку. Разоблачившись, он остался в майке, а я, сняв свою тенниску, замотался в его белую рубаху, при этом став слегка похожим на привидение. Воротничок рубахи застегнулся чуть выше солнечного сплетения. Кое-как я подтянул его повыше, затянув галстук. Я еле сдерживался от смеха, представляя себя бегающим в таком виде по улице в поисках фотоателье. Но, взглянув на уважаемого партийного работника, сидящего за внушительным столом в одной майке, сдержаться не смог и нервно хихикнул.

– А как же вы в таком виде? – поинтересовался я.

– Ничего, для всех остальных у меня сейчас обед. – Товарищ Кондратюк судорожно сглотнул. – Но вы нигде не задерживайтесь!

Я пулей выскочил из райкома и на всех парусах развевающейся рубашки помчался на соседнюю улицу в фотоателье. Я точно не знал, где именно оно находится, но, выскочив из-за угла, сразу же выхватил взглядом слово «ФОТО» на большой вывеске, висящей над массивной дверью. Туда я и ворвался вихрем. В ателье никого не было. За конторкой приема заказов сидела дородная дама характерной наружности – вылитая моя бывшая учительница Раиса Моисеевна. Она медленно подняла на меня пронизательные глаза, округлившись от удивления.

– Что у вас случилось, молодой человек?

– Мне нужно срочное фото на партбилет! – выпалил я.

– Что-что вам нужно?! – Дама с нескрываемым любопытством посмотрела на меня в упор.

– Срочное фото на партбилет.

Дама сначала затряслась в мелком смехе, а потом живенько развернулась дородным бюстом на сто восемьдесят градусов и громко закричала резким голосом:

– Яша! Яша! Скорей иди сюда! Ты должен это слышать своими ушами!

Из темного помещения позади дамы выскочил взъерошенный долговязый фотограф Яша.

– Смотри сюда, – дама говорила с трудом, захлебываясь от смеха, – этот молодой человек хочет, чтобы ты сделал его фото.

– Чье?! – удивленно переспросил Яша, поправляя очки на крупном носу.

– Мое, конечно, – пожал я плечами, недоумевая, чем мог привести даму в такое веселье.

Яша всплеснул руками:

– Первый раз за мою жизнь клиент приходит сам! Вы костюмчик себе сами подбирали? – И, не дожидаясь моего ответа, спросил: – А вам на металле, граните или эмали?

– На каком еще металле?! – воскликнул я. – Мне – на партбилет!

Дама и Яша переглянулись и захохотали уже вдвоем, захлебываясь, с оханьем и вытиранием слез. Наконец Яша первый пришел в себя и, прерываясь на легкие всхлипывания, сказал:

– Так это вам, молодой человек, на ту сторону улицы. Вы немного не туда пришли. И немного не вовремя. – Он снова зашелся смехом.

Но я уже выскочил на улицу, и, действительно, напротив, на другой стороне улицы красовалась вывеска «Фотоателье». А куда ж тогда я сейчас заходил? Я развернулся и прочитал вывеску, висящую над входом. Крупными буквами было написано слово «ФОТО», и под ним более мелкими внизу значилось «на памятники: на металле, граните, эмали. Быстро и качественно!»

Так «триумфально» началось мое вступление в партию. Все. Занавес.

Нина Левина

Про «Тихий Дон» и прививку от жадности

Будучи студентами, в семидесятых годах прошлого столетия, мы с друзьями неоднократно подрабатывали летом проводниками. Я предпочитал длинные, выгодные рейсы типа Киев-Караганда, но однажды согласился на уговоры одноклассника Гриши взять рейс в Ростов-на-Дону, чтобы посмотреть на прославленную Шолоховым реку.

– Серега! Нам обязательно надо побывать на Дону! – уговаривал меня Гриша. – Шолохов! «Тихий Дон»! Знаменитая река! Поехали! Когда еще такая возможность представится?

И я согласился. Действительно, почему не съездить, на Дон не посмотреть?

Прибыли мы в город поздно вечером, уже стемнело. Поезд отогнали в отстойник за несколько километров от вокзала. И надо же такому случиться: отстойник для поездов был прямо на берегу величавой реки, увидеть которую мы так стремились.

– Серега, айда купаться! – Гриша подпрыгивал от нетерпения. – Когда еще выпадет такой случай?

Купаться так купаться! Что мы, зря за тысячу километров ехали? С разбега бултыхнулись в темные воды Дона и поплыли. Плыдем, радуемся, руками загребаем.

– Представляешь, Серега? – кричит мне Гриша. – Мы с тобой в Дону плаваем! В знаменитом! Будет что вспомнить и в Киеве рассказать!

А я вдруг перестал вслушиваться в то, что Гриша мне кричит. Я почему-то начал активно приноживаться.

– Гриша, – говорю, – а тебе не кажется, что запах какой-то странный?..

– Вечно ты ко всему придираешься! Теперь тебе Дон не угодил! – возмутился Гриша. – Хотя... Запах какой-то есть... Водоросли, наверное, – предположил он и тоже засопел, приноживаясь.

И тут в неровном свете луны и далеких отблесков фонарей отстойника я заметил, как мимо меня что-то проплыло, слегка покачиваясь... Потом еще что-то... И я с ужасом понял, что это куски фекалий. Всмотревшись внимательнее в расстилавшуюся гладь знаменитой реки, я заметил множество таких же качающихся на поверхности предметов, а у самого берега разглядел широкую трубу, из которой продукты жизнедеятельности большого города стекали в величавую легендарную реку...

Надо было видеть и слышать, как мы с Гришей орали и гребли к берегу! Мы побили все рекорды скоростного плавания. Мы почти бежали по воде! Ворвавшись в свой вагон, спустили на себя всю воду из баков и извели все мыло, отмываясь от запахов Дона... Отныне ореол романтики «Тихого Дона» Шолохова померк для нас навсегда в изысканном аромате городской канализации.

Позже, уже в институте, я еще долго Гришу подкалывал. Подойду, бывало, к нему, приноживаясь и говорю:

– Как от тебя интересно пахнет сегодня!

– Одеколоном? – спросит ничего не подозревающий Гриша.

– Нет, известным тебе Доном... Может, скатаем? Скупнемся?

В другой рейс напросился со мной одноклассник, волейболист Алик.

– Серега, ты, говорят, неплохо в проводниках устроился. Хорошие деньги зарабатываешь. Возьми к себе напарником, я тебе помощником буду, а ты меня всему научишь.

После долгих упрасиваний Алика я согласился, хотя одному мне было легко устраиваться на выгодные рейсы, а для двоих выбор резко сужался. Нас взяли на короткий рейс Киев-Херсон, ночь туда и ночь обратно. Но направление было южное, а значит, в плане «зайцев» вполне перспективное. Проводников катастрофически не хватало, и на два вагона нас было трое: мы с Аликом, временщики, и тетка, проводница из постоянного состава.

Женщине было лет под пятьдесят, она категорически замотала головой, когда я начал ей излагать свое видение заработка на «зайцах».

– Ой, нет, хлопцы! Я с «зайцами» боюсь связываться. У нас ревизоры дюже строгие – если на чем поймают, отправят на штрафные работы на мусорник!

– Значит так, мать, нам мусорные работы не страшны! – убеждал я ее. – Мы – студенты! С нас взятки гладки. Давай так: забирайся на верхнюю полку и лежи там весь рейс, книжку читай, кроссворды разгадывай. А мы берем «зайцев» и ревизоров на себя. Если что – ты не при делах!

Так и договорились. Тетка взобралась на верхнюю полку, и мы с Аликом начали шуровать в двух вагонах. В «зайцах» недостатка не было, денежки текли рекой. Алик радостно постигал науку работы проводником, а зашедшие к нам ревизоры проследовали в следующие вагоны с довольными улыбками на лицах.

Все заработанные деньги мы с Аликом сносили в купе, где возлежала наша тетка проводница, и отдавали ей на хранение, чтобы они у нас не торчали из карманов. Не мешающая напарница радостно складывала купюры в надежное место – за пазуху. К концу поездки размер груди нашей тетки заметно подрос размера на два.

Наконец рейс подошел к завершению, до Киева оставалось часа полтора езды. С «зайцами» было закончено, настало время поделить «честно заработанные непосильным трудом» денежки. Мы зашли в купе к нашей проводнице, и я сказал:

– Ну, мать, доставай выручку, будем делить деньги на троих!

Проводница вытаращила на меня глаза:

– Яки гроши? Ничего не знаю!

– Как это ничего не знаешь? Ты так не шути! Весь рейс отдыхала, а мы вкалывали. Деньги приносили тебе на хранение. Доставай! Мы же на всех делить будем! Тебе – одна треть. – Я наивно пытался что-то ей объяснить.

– Сраку вам собачью, а не гроши! – выкрикнула тетка, встав в позу и уперев руки в бока. – Ничего не дам!

Мы с Аликом оторопели. Оба опытные спортсмены, но драться с женщиной, а тем более лезть к ней за пазуху мы не могли. Даже в голову такое не приходило. А тетка стояла, вытаращив на нас глаза, полные крысиного блеска. Здравый смысл в них затмили водяные знаки денежных купюр. Я подошел к ней вплотную и спросил ровным спокойным голосом:

– Ты хорошо подумала?

– Сказала – не дам! Знать вас не знаю! – выпалила тетка.

– Хорошо, ты сама так решила. Не жалуйся потом. Алик, пойдём. – Я вывел ошалевшего приятеля во второй вагон.

– Вот так заработали! – Алик от обиды поджал губы. – Что будем делать?

– Как что? Учить жлобиху! – Я посмотрел в окно на проносящиеся мимо столбы, поля и дороги. – Открывай окна и двери и выбрасывай все из вагона!

Я первым раскрыл окно, схватил постельное бельё и начал вышвыривать его из вагона. Белыми лебедями полетели простыни и наволочки, цепляясь за придорожные столбы и трепеща на ветру, словно флаги капитуляции. Следом за бельём в окна шмыгнули одеяла и подушки; мелодично звякнули, вываливаясь, стаканы и подстаканники, спикировали вилки и выпорхнули занавески. Когда мы выпихивали последний матрац, в вагон вбежал запыхавшийся бригадир поезда.

– Хлопцы! Вы шо творите?! – заорал он. – Караул! Там все пассажиры прилипли к окнам! Я вперше такое бачу!

– Спроси у своей проводницы, – ответил я, и матрац благополучно нырнул следом за своими собратьями.

Через минуту ворвалась проводница и замерла от изумления, увидев девственно чистый вагон, словно только сошедший из заводского цеха. Ни одного матраца, ни одного одеяла, ни одной занавески – совершенно пусто! Временное наваждение, навеянное денежными купюрами за пазухой, постепенно исчезало из ее глаз, уступая место здоровому ужасу.

– Ой, хлопцы! – закричала тетка, ломая руки. – Пробачьте меня! Шо ж я натворила, дура старая?!

Денег мы у нее, конечно не взяли. Гордые сошли в Киеве. Надеюсь, содержимого ее пазухи хватило на то, чтобы оплатить эту «прививку от жадности». Хотя вряд ли.

Галина Димитрова

Расстрелянный кот

После вчерашней ссоры с женой из-за длительного похода с другом Санькой в пивбар сегодня с работы я сразу примчался домой. Хотелось помириться. Тихо открыв дверь, услышал голос тещи. Прислушался, думал, вдруг обо мне речь. Однако, напрягая слух, разобрал:

– Скоро пойду, о Яшке надо позаботиться.

Яшка – любимый кошка матери моей жены.

Я зашел в комнату. Мои дамы смотрели по телику какую-то передачу. Решив прогнуться перед тещей, я поздоровался и бодренько спросил:

– Ну и что там Яшка?

Жена строго взглянула на меня и фыркнула:

– Не смей так неуважительно! Какой он тебе Яшка?

– Хм, – чуть прибалдел я, – а как прикажешь его называть?

– Вообще-то его зовут Яков, – она презрительно скривила бровь.

– Ну хорошо, Яков так Яков. – Я очень хотел помириться, и спор не входил в мои планы. – Так что же случилось с Яковом?

– Можно подумать, ты не знаешь. – Жена уже чуть ли слюной не брызгала от возмущения.

– Милая, я действительно не знаю. Мне никто ничего не рассказывал.

– Убили его, – вмешалась теща, – даже отец не помог.

– Отец? А что, мама, вы знаете, кто его отец? – Сюрреализм какой-то.

– Ты, зятек, пивом, видно, все мозги вымыл из башки. Все знают, кто его отец. – И теща посмотрела на меня так, как будто я был тяжело болен.

Я набрал побольше воздуха в легкие, чтобы не послать их куда подальше вместе со своим котом, и миролюбиво спросил:

– Ладно, допустим, отец не помог. А кто его убил-то?

– «Кто, кто!» – заверещала жена. – Издеваешься, да? Или debil совсем? Даже дети знают, кто его убил, а он, видите ли, не знает. – И злорадно добавила: – Пива надо меньше пить.

– Да причем тут пиво? Я правда не знаю. Зачем было его убивать? Он, вроде, безобидный был, не лез никуда. – Я изо всех сил старался изобразить сочувствие от безвременной кончины вполне приличного кота.

– Мам, он же над нами издевается. Все знают, а он, видите ли, не знает, – жена просто шипела от возмущения. – Потому что одно пиво на уме.

– Подожди, Жанна, не горячись. Может, он и вправду не знает, глаза-то вон – по пять рублей, – выступила в мою защиту теща. – Гена, – уже обращаясь ко мне назидательным таким тоном, – безобидный – не безобидный, кому до этого дело? Главное, он же русский, хотя и не совсем русский, но для его убийц это было не важно.

– Якова убили за национальность? – А я и не знал, что у котиков так остро стоит национальный вопрос. Видать, тещу хорошо торкнуло.

– Не только. Они узнали, кто его отец, – теща разговаривала со мной как с психически неполноценным.

– А отец – он, что ли, жив? – Казалось, что мы ведем какую-то непонятную мне игру.

– Ты идиот, – вновь зашипела жена. – Конечно, он тогда был жив.

– А потом его тоже убили? – Ладно, я еще немного попытаюсь продержаться в этом дурдоме, хотя терпение уже на пределе.

– Говорят, он умер своей смертью, от болезни, – это снова теща. – Но я в это не верю, думаю отравили.

– Кто отравил? – Я решил дойти до конца этой фантазмагии.

– Кто-то из своих. Мешал он им. А так жалко, я целый день рыдала, когда узнала. – У тещи в глазу блеснула слеза. Соседей она в виду имела, что ли?

– Ладно, оставим отца в покое. А Якова-то кто все-таки убил? – Я ждал, теща задумалась. Лучше бы я пошел пить пиво.

А жена с ненавистью посмотрела на меня и яростно заорала:

– Кретин! Меньше по пивбарам шляться надо. Немцы его убили! Немцы! Не знает он!

– Немцы? – Я понял, что у кого-то из нас окончательно едет крыша. – А каким образом?

– Жанна, да он точно ничего не знает. Посмотри, не притворяется.

– А ну дыхни! – рявкнула жена. Я послушно дыхнул. – Странно, трезвый. В самом деле не знаешь, что его расстреляли?

– Рас-стре-ля-ли? – Кота стало безумно жалко. – Вот фашисты!

– Конечно, фашисты. Сначала за колючей проволокой держали. Издевались, – с готовностью поддержала мои выводы теща.

– За колючей проволокой? Садисты какие-то. А где это случилось?

– В Германии, конечно, – теща тяжело вздохнула.

– А что Яков делал в Германии? – Они все-таки надо мной издеваются, понятно, хотят доказать, что много пива пить вредно.

– Нет, ты в самом деле идиот или притворяешься? – с ужасом прошептала жена. – В плен его взяли. Думали на отца надавить. Но не получилось. И расстреляли.

Я больше не мог сказать ни слова. В моем воображении нарисовалась группа немцев, задавшихся целью уничтожить парочку котов из России. Причем старшему, видно, удалось смыться, а младшего они прихватили с собой в Германию, где посадили за колючую проволоку. А когда старшего изловить так и не удалось, тещиногo Якова расстреляли. Что им сделал российский кот – непонятно. Может, у него чип вставлен в голову был? Или он работал на ФСБ? Сюр, точно, сюр...

Я почесал затылок и лихорадочно стал соображать, кого из нас срочно надо отправить в психиатрическую лечебницу. Жена сидела, надув губки. Теща от греха подальше поднялась и засобиралась домой, я осторожно хотел выразить ей сочувствие и пошел проводить до двери.

– Что так рано, мама? Посидели бы еще, чайку попили.

– С удовольствием бы, Гена, да надо идти. Кот дома голодный.

– Какой кот? – поперхнулся я. – Расстрелянный?

– Да что с тобой сегодня, Гена? Мой кот Яшка. – Я уже не понимал ничего. А перед глазами маячило в кружке холодное янтарного цвета пиво, аж слюна потекла.

– Ты зачем такой концерт устроил, Гена? – Жена обиженно посмотрела на меня, когда я в полном обалдении вошел в комнату. – Хотел перед мамой выглядеть двоечником, который не знает, как погиб Яков Сталин?

Они с тещей, оказывается, передачу по НТВ смотрели о сыне вождя народов.

А я все-таки сбегал за пивом, и мы потом еще долго не могли справиться с истерическим хохотом при упоминании имени тещиноного кота.

Олег Гонозов

Невостребованная классика

В интернат для престарелых нагрянул артист областной филармонии Василий Собакин. Семидесятилетний мастер художественного слова уже смирился со своей невостребованностью, но отказаться от любимого дела, которому отдал жизнь, тоже не мог. Он безвозмездно выступал то перед ветеранами педагогического труда, то в районном обществе инвалидов, то в клубе пенсионеров «Золотой возраст». Читал обычно русскую классику.

Вот и в этот раз, профессионально окинув взглядом полупустой зал, Василий Собакин начал со стихов солнца русской поэзии Александра Сергеевича Пушкина:

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час...

От Пушкина Собакин перешел к Есенину, которого любил с детства:

Уж крышку туго закрывают,
Чтоб ты не мог навеки встать,
Землей холодной зарывают,
Где лишь бесчувственные спят...

Эмоции переполняли чтеца, время от времени он закрывал глаза и заламывал руки. Публика затаенно молчала, лишь изредка с первого ряда раздавался скрип костыля.

— Анна Андреевна Ахматова. «Буду тихо на погосте», — объявил Собакин, тряхнул седыми волосами.

Скрип костыля в первом ряду заметно усилился, а с задних рядов раздалось: «А повеселей ничего нет?»

— Други мои! — обнажив искусственные зубы, улыбнулся Собакин. — Это же классика, Серебряный век!.. Не хотите Ахматову — тогда Марина Ивановна Цветаева. Вы только послушайте:

Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий,
Ненавистный лоб...

Дочитать стихотворение до конца мастер художественного слова не сумел. Костыль, метко брошенный инвалидом из первого ряда, угодил ему ровнехонько в грудь и поверг

мастера художественного слова на пол.

Рука и глазомер не подвели ветерана спорта. Кто же мог предположить, что в юности тот был чемпионом области по метанию копья?

Юлия Чаглуш

Подарок

Обычно счастье в мою жизнь врывается с гиканьем и цветными цыганскими плясками. Оно с ноги распахивает входную дверь и кружит меня в диком хороводе страсти и безумств. Завораживает, опьяняет, сводит с ума и просит остаться жить навечно. Я соглашаюсь, но при условии, что оно будет тихим и ласковым, иначе не выдержу такого напора и свихнусь. Счастье успокаивается, поудобнее устраивается в уголке и наблюдает за нами, изредка подавая голос, если вдруг ему кажется, что мы про него забыли. Эта схема меня вполне устраивала. До одного памятного дня...

Рабочий день уже подходил к концу, когда внезапный звонок на мобильный прервал бег в колесе.

– Зайди на минутку, серьезный разговор к тебе имеется, – голос шефа был вкрадчив и опасно ласков. Прокрутив в голове сто и один вариант развития событий – от повышения до увольнения – и не найдя поводов для последнего, решительно шагнула навстречу Судьбе.

– Вызывали? – с деланной уверенностью спросила я, просунув голову в директорский кабинет.

– Нет, блин, автоответчик сработал, – попыталось пошутить руководство, вставая из-за стола. – Заходи – не бойся, выходи – не плачь.

– Ну и шуточки у вас, Акакий Евстафьевич, – неуверенно попыталась я сделать комплимент и вошла в кабинет вся.

– Так, давай к делу. – Шеф был настроен решительно. – Я приготовил для тебя подарок.

– Ого! Вот это новость! Вы выписали мне премию или увольняете, наконец, из этого дурдома? – прошупала я почву.

– Ни то, ни другое. Сейчас достану, обалдеешь от счастья! – Босс одарил меня лучезарной улыбкой и полез под стол.

Не успела я додумать всякие гнусности на тему того, что именно может достать руководство и за сколько минут я смогу добежать до канадской границы, как шеф вынырнул из-под стола с... переноской для животных. Внутри которой было подозрительно тихо.

– Это что такое? – севшим от переживаний голосом просипела я.

– Подарок! Да не бойся, он не кусается. Открывай! – Начальник от нетерпения пританцовывал на месте.

Ослушаться руководства – себе дороже. Я подошла и открыла дверцу. Внутри лежал маленький мохнато-серый комочек шерсти.

– А-а-а! – заорала я дурниной. – Мы-ышь!

– Не ори, секретаршу разбудишь! – гневно шикнул шеф. – Какая, к черту, мышь? Это котенок.

В это время «мышь», проснувшись от моих воплей, сладко потянулся, зевнул, открыл глаза и вывалился из переноски на стол, жалобно пища.

– Господи, жуть какая! – не сдержала я эмоций.

– Сама ты жуть, – обиделся начальник. – И вовсе не какая, а какой. Это мальчик.

– У меня уже есть мальчик. Даже два. Акакий Евстафьевич, родненький, ну почему именно я пала жертвой вашей милости? В чем мой косяк? Можно меня просто поругать и отпустить с миром? – взмолилась я.

– Нет. Считай, что это премия! – шеф был неумолим.

– А можно я возьму деньгами?

– Какая же ты меркантильная, тьфу на тебя! Давай, лови его, забирай домой и люби.

– Мое сердце занято. Там муж и сын. И у меня так-то полная семья, я в котях не нуждаюсь, – сопротивлялась я из последних сил.

– Ребенку нужно расти с домашними питомцами. Тебе это любой психолог скажет, – не сдавался шеф.

– А психолог не уточнял, как не сдохнуть от такого количества любви?

– Хватит пререкаться. Смотри, какой славный. На мою Дину похож. – С этими словами начальник заграбастал котенка своей могучей лапицей и чмокнул его в черный нос. – Представляешь, Динка моя, паразитка, загуляла с дворовым, вот и получилась гремучая смесь. Полубританец-полуголодранец! – Хохотнув, шеф протянул мне серый клубочек.

Я осторожно взяла в руки плод кошачьей страсти.

– Вот мне интересно, почему гуляла Динка, а расплачиваться должна я, совершенно невиновная женщина? – осматривая страшное, мохнатое существо, произнесла я задумчиво.

– Нет в мире справедливости, смирись, – философски заметил шеф.

– А можно хотя бы мужа подготовить? – рассеянно поглаживая пищащий комок шерсти, промямлила я.

– Радость должна быть внезапной. Муж у тебя кто? Военный? Он закаленный, справится с внезапно обрушившимся на него счастьем. С тобой же справился.

– Он бывший военный, – вздохнула я.

– Бывших военных не бывает, – шеф оставался непреклонен.

Стало совершенно ясно, что уйти без котенка не удастся. «Терять мне нечего, – рассудила я. – Поэтому, как говорится, была не была...»

– А можно я хотя бы его в вашу честь назову?

– Ага, разбежалась! Чтобы ты минимум три раза в день орала: «Акакий, иди жрать, скотина!» или, что еще хуже: «Акакий, ты опять нассал в тапки?» Обойдешься, – насупился мой начальник. – У кота должно быть нормальное имя. Барсик, например.

– Нагложоп – тоже неплохой вариант, – вяло парировала я.

– Ну, это вы там уже сами разберетесь. Как говорится, дело-то семейное. Все, идите. Переноску не забудь. Завтра вернешь. Мне еще троих надо осчастливить. Да, вот еще что: день рождения у него 12 апреля!

– Ну что ж, поехали, Гагарин недоделанный, – сказала я котенку, кладя его в переноску. – А вы, Акакий Евстафьевич, передайте своей блуднице мое искреннее неодобрение!

Прежде чем попасть в родной дом, нам с новоявленным питомцем пришлось покружить по району в поисках зоомагазина, чтобы купить ребенку все необходимое. Супруг, открывший дверь, замер на пороге в изумлении. На него смотрела нелепая инсталляция, лишь отдаленно напоминавшая жену. На месте лица – пакет с кошачьим кормом, вместо ног – мешок с наполнителем, левая рука нервно сжимает сверток с кошачьим туалетом, а в правой болтается переноска, из которой доносятся зловещие, заунывные звуки. То еще

зрелище, согласна. Но мой благоверный – офицер запаса, поэтому мгновенно оценил ситуацию, сделал правильные выводы и по-быстрому освободил супругу из плена кошачьего инвентаря.

– Мы, конечно, планировали ребенка, но я не думал, что ты поймешь меня настолько превратно, – поздоровался муж.

– Бойся своих желаний, они имеют свойство сбываться, – нервно хихикнула я.

Мы позвали сына, кратко обрисовав ему ситуацию. Отрок обрадовался чрезвычайно и тут же захотел лицезреть нового члена семьи. Отец семейства осторожно открыл щеколду, и... повисла мхатовская пауза.

– Ну и жуть! – выдохнули мои мужчины в один голос после трехминутного молчания.

– Не плагиатствуйте. Я первая это сказала, – вздохнула я.

– Напомни, как зовут твоего шефа? – спросил любимый.

– Акакий Евстафьевич.

– Так ему и надо, – позлорадствовал супруг. – Слушай, а чем кормить-то наше пополнение?

– Может, оно человеческими жертвами питается? – встрял сын.

– Не льсти ему. Нервами человеческими оно питается. И разнообразным сбалансированным кормом. В рационе в необходимой концентрации должны присутствовать незаменимые кислоты, витамины, макро- и микроэлементы, необходимые для нормального роста, развития и физиологического состояния. Что вы на меня так смотрите? Я это на пакете прочитала.

– Блин, я так не питаюсь, – грустно вздохнул муж.

В этот момент котенок вылез из своего временного жилища, потянулся и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, пошел осматривать свой новый дом.

– Вот же ж Акакий, прости господи! – воскликнул сын, глядя ему вслед.

– Шеф просил не упоминать его имя всуе. Но кличку этому страшилищу дать надо. Какие будут предложения? – взяла я инициативу в свои руки.

Спорили мы жарко и долго, перебрав все известные имена, включая старославянские, такие как Ярожор, Вуглусрат и даже Лютодрав. Но все это было не то. Обессиленные, мы валялись на диване, и тут муж подскочил как ужаленный:

– Я понял, как его зовут! Жуть! Ну ведь правда, гляньте на него! Точно – Жуть!

Мы с сыном пристально посмотрели на играющий с резиновой мышью лохматый клубок, из которого задорно торчал тощий хвост, переглянулись и... Так у нас в доме появился кот по кличке Жуть.

Через несколько месяцев он превратился в роскошного серо-переливчатого красавца с изумрудными глазами. Как-то незаметно Жуть стал всеобщим любимцем, несмотря на его стервозный характер. Впрочем, для кошачьей породы это вполне обычное явление. До сих пор не перестаем удивляться его уму и изворотливости. Правда, временами нам кажется, что мы выкупили его у цыган, потому что любимым занятием кота является регулярно таскать все, что плохо лежит, и прятать в кладовке. Есть подозрение, что потом он это перепродает по спекулятивной цене местным барахольщикам. Носки, небрежно брошенные возле дивана, забытая на тумбочке письменная ручка, вафли с кухонного стола, – все идет в ход. Однажды стащил шоколадную конфету из вазочки и, пока нес до своей нычки, сам не заметил, как сожрал ее. Вместе с оберткой. Потом пришлось лечить его от неудобной болезни. Понос называется.

Жуть обожает играть в соседского бомжа Валерия Эдуардовича. Не проходит и дня, чтобы кот не залез и не покопался в мусорном ведре. Причем присутствие гостей в доме или кого-либо из хозяев в данный момент на кухне его совершенно не смущает. Такое чувство, что ему абсолютно плевать, будет ли он изгнан с позором или нет. Видимо, познал дзен еще в утробе матери. Его снисходительно-насмешливому и полному презрению взгляду можно только позавидовать, когда он с достоинством удаляется в закат, оставив хозяев наедине с бессильной яростью, чувством вины и разоренным ведром.

А еще Жуть хитрый, как старый торгош, продающий тухлую рыбу на одесском «Приводе». Особенно когда ему что-то от нас надо. Например, чтобы покормили шестой раз за день. На этом моменте тот торгош должен заплакать и отойти покурить, потому что он так прожил жизнь, но не познал священного таинства торговли.

По вечерам кот любит сидеть на подоконнике и вести светские беседы с голубем Яшей. Яков передает ему свежие сплетни с окрестностей, пожелания доброго здоровья от Валерия Эдуардовича и место сходимки барахольщиков в ближайший четверг. Общается исключительно через стекло. Тоже хитрый.

Акакий Евстафьевич регулярно передает приветы и просит показать фотографии Жути в разных позах. Включая неприличные. Каждый раз, когда их рассматривает, рыдает от умиления.

Счастье не всегда врывается в твой дом с диким гиканьем и цыганскими плясками. Иногда оно бесшумно ступает на порог на кончиках мягких кошачьих лап. И твоя жизнь уже никогда не будет такой, как прежде. До кота...

Татьяна Попова

Как у Донцовой

Дело было лет десять назад, когда дочка моя была еще маленькой, а мой папа – уже довольно стареньким. Папа любил детективы, а в те времена как раз появились первые книги Дарьи Донцовой. Я подсунула иронический детектив родителю, но он остался недоволен прочитанным, ворчал, возвращая книгу: «Бред какой-то! Разве бывают такие ненормальные семьи? Это не семья, а сумасшедший дом!» Эх, зря папа это сказал, зря был столь категоричен...

В тот же вечер, уложив спать дочку, я читала Донцову, чтобы понять, что же так возмутило папу в семействе Даши Васильевой. И тут зазвонил телефон. Я удивилась – стрелка часов перевалила за одиннадцать, обычно нам так поздно никто не звонит. Снимаю трубку:

– Алло, это София Андреевна?

– Да, я слушаю.

– Вас беспокоит Земфира Михайловна. (Земфира Михайловна – руководитель студии цыганского танца в доме творчества, моя дочка там занималась второй год). София Андреевна, завтра мы едем сниматься в кино. Жду вас с Сашей и с костюмом в девять утра.

Пока Земфира Михайловна рассказывает мне о месте встречи, я мысленно вою: одиннадцать вечера, звонить куда-либо уже неудобно, значит, с работы придется отпрашиваться «постфактум». Чтобы к девяти добраться до места встречи, нужно разбудить Сашку в половине седьмого. Костюм. Боже, костюм! Вы себе представляете, что значит погладить цыганскую юбку в два солнца шириной? Может, отказаться от всей этой затеи?

– А какой танец они будут танцевать?

– Ой, это не важно, не волнуйтесь, все на месте решим. Только уж не подведите меня, приезжайте, участие в съемках – такой шанс, такой шанс.

Природное чувство ответственности борется во мне со смутным ощущением странности происходящего. Неужели наш самодельный а-ля цыганский костюм подойдет для съемок? Да и танцевальный уровень дочки и ее соучениц вызывает у меня большое сомнение. Но все же я соглашаюсь на участие Саши в съемках, потом до полночи наглаживаю костюм, утром ни свет ни заря бужу дочку.

На месте встречи нас ждет Земфира Михайловна. Одна-одинешенька. Я интересуюсь: «А где все остальные?» «Сейчас подтянутся, сейчас подтянутся!» – огромные глазищи Земфиры как-то подозрительно бегают. Минут через пятнадцать «подтягиваются» еще одна мама с дочкой, белокурой голубоглазой Леночкой. Ждем еще полчаса – никого. Земфира Михайловна командует: едем.

Приезжаем на студию. Нас встречает помощник режиссера. Хмуро оглядывает девочек и вопрошает: «Это – все?» Земфира хватает его за руку, тянет в сторону, что-то торопливо втолковывает. Дядька недовольно машет рукой: идите за мной. Мы идем через проходную, Земфира оттаскивает в сторону теперь уже нас с матерью Лены и шепчет, стараясь, чтобы ее слова не долетали до ушей помощника режиссера: «Пожалуйста, если вас спросят, девочки – цыганки!» «Цыганки???» – одновременно восклицаем мы. Ну, если мою кареглазую шатенку Сашу еще можно с натяжкой выдать за представительницу кочевого племени, то из Лены цыганка, как из Земфиры белокурая арийская бестия. «Наполовину цыганки, скажете, что у

них папы – цыгане!» – выпаливает Земфира и отскакивает от нас, не дожидаясь возражений.

Впрочем, возражать уже нет времени. Нас встречает режиссер. Он ошалело разглядывает нашу малочисленную компанию, а потом восклицает:

– Это – все? Мне нужны были десять мальчиков и пять девочек разного возраста, от трех до пятнадцати лет. Где они?

– Как где? – бойко возражает Земфира. – В школе, где же еще?

– В какой школе? Я за что вам деньги заплатил?

– В какой школе? В обычной школе! Вы что, хотите, чтобы цыганские дети остались без образования?

То ли режиссер боится оставить юных цыган без образования, то ли понимает бесполезность перепалки с Земфирой, но он больше не возмущается количественным и половозрастным составом нашей актерской группы. Он переходит к другому вопросу:

– А они хорошо говорят по-цыгански?

Говорят? По-цыгански? Мы же сюда танцевать приехали! На всякий случай: ни Саша, ни Лена не знают, понятное дело, ни слова на языке ромал. Однако у Земфиры, как видно, по этому поводу совсем другое мнение:

– Конечно, знают! У них же папы цыгане! Девочки очень талантливые! Они все за пятнадцать человек сделают!

– Так мы можем немедленно приступить к озвучке?

Не дожидаясь ответа Земфиры, мы с мамой Лены хватаем дочек за руки, поворачиваемся и уходим. Вот так и кончилась, не начавшись, Сашкина карьера на ниве цыганского танца (я предпочитаю не иметь дел с аферистами любой масти)...

Усталая и злая я притащилась домой. Покормила не менее усталую Сашу. Рассказала о наших приключениях маме. А мой неутомимый и вечно деятельный папа в этот момент был занят важной и неотложной проблемой. Где-то в «закромах родины», если точнее – в большом серванте, что стоял в их с мамой комнате, папа нашел бутылку ликера «Айриш крим». Но вот беда: ликер стоял слишком долго и сильно загустел. Настолько сильно, что не выливался из бутылки. Папа испробовал все способы заставить ликер обрести текучесть, но все напрасно. Пока я кормила Сашу и разговаривала с мамой, папа носился вокруг с бутылкой, как курица с только что снесенным яйцом. Наконец Саша поела и отправилась делать уроки, мама прилегла отдохнуть в своей комнате, а я, помыв посуду, позвонила на работу. Папа из поля зрения куда-то исчез.

И вот мой разговор с коллегой прерывает истошный, нечеловеческий крик мамы. Я бросаю трубку, влетаю в комнату родителей и вижу... В общем, выглядело это примерно так: мама лежит на диване, над ней стоит папа, а лица у мамы нет. На нем – что-то непонятное, желтое. Крови не видно. Господи, что же это? И тут мамин крик сменяется чем-то похожим на истерический булькающий смех...

Оказывается, папа в конце концов сделал вывод, что достать ликер из бутылки не представляется возможным. Значит, бутылку нужно выбросить. Но такой ответственный шаг, по мнению папы, требовал маминой санкции. Поэтому он подошел к отдыхающей жене и со словами: «Вот видишь, ничего не льется!» – перевернул бутылку над ее головой. И – надо же было такому случиться – именно в этот момент ликер-то и вылился. Прямо на лицо мамы. Весь ликер, а было его не меньше половины бутылки!

Следующие полчаса я помогала маме отмыться от липкого сладкого «Айриш крима». Мы в два голоса ругали папу и хохотали. А потом я пошла проверять Сашины уроки.

Через некоторое время мне (уж извините за интимные подробности) понадобилось посетить туалет. И вот открываю я дверь, делаю шаг и... попадаю в огромную лужу. Что случилось? Унитаз потек? Но мы же его только месяц назад купили!

Экспресс-расследование дало следующие результаты. В унитазе ниже «ватерлинии» зияла весьма заметная дыра. Откуда? Да все оттуда же. Рачительный папа решил, что бутылка от ликера еще может пригодиться в нашем хозяйстве. И он решил ее помыть. Набрал воды, пополоскал и пошел выливать воду в унитаз. А бутылка возьми да и вывалилась из рук. Папа не заметил, что бутылка не только разбилась сама (вот тут и пришлось ее выбросить), но и нарушила целостность нового унитаза.

Мы с мамой накинулись на провинившегося папу с новой силой, Саша защищала любимого дедушку. Впрочем, дедушка и сам за себя был способен постоять: он заявил, что запросто починит унитаз. Починка состояла в том, что папа заткнул дыру чем-то, что очень напоминало то ли медузу, то ли пучок водорослей. Это нечто колыхалось и жило в унитазе своей жизнью, но недолго: вскоре мы с мамой взбунтовались и купили новый унитаз, категорически отказавшись пользоваться конструкцией со столь авангардным дизайном.

Наступил вечер. Я готовила Сашу к мытью головы (с волосами до колен это целое дело). Вынимаю из дочкиных ушей сережки-гвоздики и... роняю одну сережку на пол. Ищем мы сережку на ковре, ищем, а найти не можем. Мои силы на исходе, Сашка хнычет – сережку жалко; я команду прекратит поиски – завтра будем пылесосить и найдем, делаю шаг и... Мою ногу пронзает боль – проклятая сережка нашлась, проткнув мне ступню. Вот на этой кровавой ноте и закончился наш сумасшедший день.

Утром мне на глаза попала книга Донцовой. Я подошла к папе и спросила: «Так говоришь, Донцова бред пишет? Не бывает таких сумасшедших семеек? А что бы сказали люди, если бы прочитали о нашем вчерашнем деньке?» Папа усмехнулся, но ничего не ответил. Он был очень занят – заделывал каким-то волосатым материалом ликерную дырку в унитазе...

Татьяна Попова

Чему бы грабли ни учили...

Мои «грабли» – любовь к движухе, неважно, интеллектуальной или физической, и азарт. Именно они заставляли и заставляют меня ввязываться во всевозможные конкурсы, соревнования и игры, даже в те, где с моими способностями мне ничего не светит. Хвастаться нечем, но зато потом есть что вспомнить и посмеяться. Поделюсь с вами воспоминаниями и, надеюсь, доброй улыбкой.

Как-то попала я с дочкой-подростком на городской праздник. В парке играла музыка, аниматоры тут и там развлекали народ. Гуляющие с разной степенью активности перетягивали канаты, смотрели на выступления артистов, прыгали в мешках, стреляли в тирах. А на эстраде веселый ведущий проводил музыкальную викторину.

Музыку, особенно современную, трудно назвать моим коньком, но я получаю удовольствие от конкурсов даже тогда, когда не побеждаю. «Главное не победа, а участие» – мой лозунг.

Подходим мы с дочкой к эстраде и слышим очередной вопрос. Надо по каким-то биографическим весьма смутным данным опознать рок-певицу. На лицах стоящих перед эстрадой молодых людей и моей дочки, увлекающейся современной музыкой, и особенно роком, отображается напряженный мыслительный процесс. Мне же долго размышлять не пристало: из рок-певиц я (и то благодаря дочке) знала только одну – Земфиру. Вот ее-то заветное имечко и выпалила. Ведущий, не ожидавший столь быстрого ответа на, видимо, каверзный вопрос, вызвал меня на эстраду, спросил, как меня зовут, и вручил приз – черную футболку с рок-символикой. Дочка посмотрела на меня как-то недобро: отсталая от современности мать вдруг вырвала из рук победу на ее же, дочкином, поле.

Понимая, что фортуны лучше не дразнить, я хотела уйти немедленно, унося нетрудовым путем полученную добычу. Но дочка не позволила: ей очень хотелось взять реванш, продемонстрировав знания рок-музыки. Увы, следующий вопрос был совсем из другой оперы.

– А сейчас, – бодро возвестил ведущий, – вам нужно угадать песню, в которой поется о небольшом количестве роз.

Зрители, не дослушав, дружно заорали: «Миллион алых роз». С математикой, в отличие от музыки, я всегда была «на ты», особенно с арифметикой. И сразу поняла, что небольшое количество – это точно не миллион. И, не мудрствуя лукаво, выкрикнула: «Три розы!»

– О, да вы крупный знаток музыки! – похвалил ведущий.

Я вновь бодро поднялась на эстраду. Но ведущий, вместо того чтобы, не затягивая удовольствие, вручить мне приз, протянул второй микрофон.

– А теперь вы споете нам ту самую песню «Три розы».

Петь я люблю. Правда, у меня нет ни голоса, ни слуха, я пою душой, ну почти как Клавдия Шульженко или Марк Бернес. Наверное, поэтому мое пение любят слушать дети. До определенного возраста, лет так до четырех. Потом они, видимо, становятся менее чуткими и душевными и, не желая наслаждаться моим пением, уходят или невежливо просят замолчать.

Но, услышав слова ведущего, я не вспомнила ни о своем сомнительном в вокальном отношении голосе, ни об отсутствии слуха. Все было гораздо серьезнее. Путем простейших

математических рассуждений я правильно определила название песни. Но самой песни я не знала. Совсем. Ни мелодии. Ни одного слова. Судьба Остапа Бендера, изгнанного из клуба четырех коней, уже маячила перед моими глазами. Пережить позор разоблаченной самозванки одна я еще могла, но дочка, дочка! Ей-то за что такое?

И тут я поняла, что два слова из песни я все-таки знаю. А еще я вспомнила о системе Станиславского и его «предлагаемых обстоятельствах». Я встряхнула несуществующей гривой волос, уверенным жестом взяла из рук ведущего микрофон и четко... нет, не пропела, а проскандировала «Три розы...» А затем (и откуда что взялось) жестом звезды эстрады повернула микрофон в сторону зрителей.

Иногда не только храбрость, но и наглость города берет. Зрители с готовностью пропели про то, как белые-белые розы лягут на стол, а черные обжигают руки. На слове «любовь» ведущий, подпевая хору зрителей, вручил мне приз, а на слове «разлука» я, схватив за руку дочку, поспешила уйти подальше от музыкальной викторины. На этот раз призом оказалась не майка, а книга. Про цирк. И это правильно. Вся наша жизнь – театр. Но иногда – цирк.

Кстати, про цирк. Точнее, про спорт, любовь к которому у меня почти отбили уроки физкультуры, хотя я прекрасно плавала с раннего детства, увлеченно гоняла и до сих пор гоняю на велосипеде, играла в резиночку, классики, вышибалы. До сих пор считаю, что ругательство «козел» произошло не от смешного бородатого копытного, а от орудия пыток в спортзале, даже запрыгнуть на который (о «перепрыгнуть» я и не мечтала) было для меня подвигом. На канате моим высшим достижением был узел. Тот, что внизу. На нем я висела, пока сил хватало. Самое яркое воспоминание о беге – острая боль в правом боку. А сдача норм ГТО демонстрировала всем, что ни к труду, ни к обороне я не готова.

Во взрослой жизни мои попытки приобщиться к спорту, хотя бы к любительскому, оканчивались печально. Однажды в доме отдыха во времена студенчества я решила поиграть в настольный теннис. На беду, теннисный стол стоял в зале, где у стены приткнулось пианино. И посылаемый моей рукой шарик раз за разом улетал под музыкальный инструмент. Партнерша Маша доставала шарик из-под пианино, и игра (если это можно назвать игрой) продолжалась. До тех пор, пока пианино не упало на ногу Маше. В медицинской справке так и написали: причина травмы (трещина) – падение тяжести. В скобках – пианино.

Прошли годы. Мне – сорок лет, дочке – семь. Мы впервые отдыхаем в Турции. В тот день именно дочка притащила меня в зону бассейнов, где вот-вот должен был начаться матч по женскому водному поло. Увидев нас, аниматор-турок радостно засверкал белоснежными зубами и на весьма приблизительном русском принялся зазывать меня в команду. Мои знания о водном поло были еще более приблизительными, чем русский язык аниматора. Но и их хватило, чтобы понять, что с контактными линзами (миопия высокой степени) в эту игру ввязываться не стоит.

Если вы бывали в Турции, да и вообще на Востоке, то знаете, что на рынке вам могут запросто впарить любую ненужную вещь. Мне потомок янычаров «впарил» водное поло. Закатывая глаза, он тыкал в бассейн, где уже разминались немки (их набралось на целую команду) и француженки (им как раз не хватало одного человека), и взывал к моей доброте. Возможно, я отказалась бы, но тут он как-то мимоходом прошелся насчет того, что русские всегда казались ему храбрыми людьми. И даже припомнил наши с немцами старые счета. Но добила меня дочь. Как назло, накануне вечером мы гуляли по опустевшему пляжу и

распевали гимн Москве. Вот дочка и напомнила, мол, «и врагу никогда не добиться, чтоб склонилась...»

Отрезав себе пути к отступлению и запрыгнув в бассейн, я поняла, что наделала. Немки, все как на подбор высокие и мощные, и большинство француженок в некоторых частях бассейна доставали ногами до дна. Но не я. Первая же попытка внести свою лепту в игру и хотя бы дотронуться до мяча окончилась тем, что меня, как котенка, отбросила в сторону загорелая валькирия.

Игра шла, немки, несмотря на отчаянное сопротивление француженок, побеждали. Мое участие в матче сводилось к тому, что я перемещалась по бассейну за играющими, безрезультатно стараясь быть полезной, но при этом не потерять линзы. И вот у наших ворот в очередной раз в не по-женски ожесточенной борьбе сплелись две немки и три француженки. Но произошло чудо – мяч выскочил из кучи тел и оказался прямо под моим носом. Одного мига хватило, чтобы понять: это подарок судьбы. Однако, даже если я сейчас схвачу мяч, у меня нет ни единого шанса удержать его или передать партнершам по команде. Здоровые немки опять отбросят меня и отнимут мяч!

Но там, на бортике, стояла моя дочь. Которую я научила петь песню о золотой Москве. Не знаю, какие там правила, у этого водного поло. Я не думала о правилах. Я вообще ни о чем не думала, когда засунула скользкий, как большая круглая рыба, мяч под живот и как могла быстро поплыла к немецким воротам.

Исчезновение мяча обескуражило всех. Вот он был – и вот его нет. Я успела доплыть до ворот и, не встретив сопротивления не ожидавшей от меня атаки вратарши, забила мяч.

Что тут началось! В данном случае даже языки не надо было знать, чтобы понять происходящее. Оправившиеся от удивления француженки бурно ликовали, немки еще более бурно возмущались моим вероломством, взывали к судье-аниматору. Но над всем этим разноязычным гвалтом несся победный визг моей дочки.

Мой гол был признан законным. У нашей команды открылось второе дыхание, француженки забили еще два мяча, сначала сравнив счет, а потом и обогнав соперниц. Мы победили!

Геннадий Авласенко

Хотели, как лучше...

«Хотели, как лучше, а получилось, как всегда!»

С этой бессмертной фразы Виктора Степановича Черномырдина я решил начать свое повествование, ибо фраза она самая его суть определяет. Повествование о двух жизненных историях, вроде бы совершенно между собой не связанных, но тем не менее к обеим им применимо это знаменитое высказывание.

Первую историю я услышал, еще учась в университете. Причем знакомый, который ее рассказывал, клятвенно меня заверял, что именно так все и происходило в бытность его студентом, и сам он тому свидетелем был.

А собственно, почему бы и нет?

В общем, был на их факультете преподаватель. Строгий, придирчивый, особенно во время приемки зачетов и экзаменов. Но был у препода этого один, скажем так, недостаток: уж очень любил он за воротник хорошенько закладывать. Выпивал, в общем.

Все студенты об этом хорошо осведомлены были.

И вот решили трое студентов это чрезмерное увлечение препода зеленым змием в свою пользу на предстоящем экзамене обратить. Предмет они знали неважно, а тут еще выяснилось, что с самого утра преподаватель этот в полном одиночестве будет экзамен принимать.

В общем, запаслись наши заговорщики двумя поллитровками и наполнили графин, в котором обычно воду на преподавательский стол ставят, зелием этим сорокоградусным. А сами, естественно, первыми в аудиторию вошли, билеты взяли, за столы после этого дружно уселись. Готовятся, одним словом, к ответам, а сами между тем исподтишка на преподавательский стол поглядывают. Ждут, когда же экзаменатора утренняя жажда одолевать станет...

А у преподавателя, наверное, и в самом деле в горле с утра пересохло, ибо нескольких минут не прошло, как набухал он себе полный стакан из графина и ко рту стакан этот рукой дрожащей поднес. Сделал глоток, потом второй... а потом с каким-то даже удивлением на стакан посмотрел. Принюхался к нему хорошенько, потом графин к себе пододвинул и его тоже понюхал. После этого на парней тех с явным подозрением уставился.

А те хоть бы хны. Даже вида не показывают, что замешаны в этом деле. На экзаменатора не смотрят, на листочках своих что-то быстренько записывают, потом записанное подчеркивают, далее писать продолжают. Готовятся, одним словом.

И тут преподаватель, ни слова не говоря, встает и решительным шагом покидает аудиторию. И кто его знает, куда он в данный момент направляется? А вдруг в деканат?

Ох, как перепугались парни от такого вот неожиданного поворота событий! Но, надо отдать им должное, не растерялись. В аудитории той водопроводный кран имелся с раковиной, так они мигом все содержимое стакана и графина в раковину опрокинули, потом, тщательно сполоснув посуду, простой водичкой ее наполнили. И вновь на преподавательский стол водрузили.

И что вы думали? Через некоторое время является вновь экзаменатор – веселый, довольный. В руках у него какая-то закуска, да еще и коллегу с собой приволок, тоже

пьянтоса изрядного...

Что было дальше и что получили наши «герои» в тот день на экзамене, об этом вы и сами, наверное, смогли уже догадаться.

А теперь вторая жизненная история на эту же тему, но слышал я ее уже не от студента бывшего, а от колхозного механизатора. Время действия – то же, брежневская эпоха развитого социализма. Место действия – один из колхозов. Не передовой, не отстающий – так, средненькое по всем показателям хозяйство.

В общем, назначили в том районе нового первого секретаря райкома. А «новая метла», как говорится, и метет по-новому, особенно в первое время. Вот и секретарь этот...

В общем, повадился он в колхозы-совхозы подведомственные являться внезапно, безо всяких предварительных звонков или письменных извещений. Наверное, надеялся таким вот неординарным способом общую дисциплину в хозяйствах поднять, а вместе с ней, разумеется, надои, привесы, урожайность, ну и все такое прочее.

И вот в одно ничем не примечательное весеннее утро первый секретарь в средненькое это хозяйство решил нагрязнать. И опять-таки безо всякого предварительного уведомления.

Но мир, как говорится, не без добрых людей: не успела еще райкомовская «Волга» городские кварталы покинуть, как позвонили тайно из райкома в то хозяйство и предупредили его руководство о предстоящем высоком визите.

Всполошилось, разумеется, колхозное начальство, забегало, засуетилось. Председатель колхоза, его заместитель, главный агроном, зоотехник, тем более бригадиры, – никто, короче, без дела не остался.

Разумеется, за то короткое время, что отведено им было, не могло руководство колхозное все проблемы местные в правильном русле перерешать. Так, по мелочам старались: выпивших колхозников куда подальше запрятывали, технику исправную на поля срочно выводили, возле безнадежно испорченной сеялки видимость активного ремонта организовали. А потом председатель колхоза на свиноферму заглянул.

А там...

Почти у самого центрального входа – яма, по самые края наполненная... ну, вы поняли чем?.. В общем, весьма «ароматным» содержимым.

Увидел председатель яму эту, за голову схватился.

– Почему на поля вовремя не вывезли?! – накинулся он на завфермой. – Почему бардак развели, понимаешь?!

А завфермой лишь руками безнадежно разводит.

– Так погрузчик же в прошлом месяце сломался, – отвечает. – Я вам, Николай Трофимович, несколько раз об этом напоминал...

Повернулся председатель к заведующему ремонтной мастерской, благо тот рядом оказался.

– Почему вовремя не отремонтировали погрузчик?!

– Так деталей соответствующих никак отыскать не можем, – не моргнув глазом отрапортовал тот. – Я, кстати, вам на эту тему докладную недавно подавал, Николай Трофимович. Вспомните!

А у Николая Трофимовича и слов подходящих уже не осталось. Мат разве что...

Но взял себя в руки председатель, попусту материться не стал. Да и время поджимало.

– В общем, так, – обратился он к завфермой и заведующему мастерской, – делайте что

хотите, но яму эту чтобы с глаз убрали! Полчаса времени вам даю, а не то... Не то обоих в ямину эту посажу! По самую шею!

И, высказав нешуточную такую угрозу, председатель к уазику своему побежал. Чтобы не пропустить момента приезда высокого начальства, у самого входа в контору его торжественно встретить.

А два заведующих, мастерской и свинофермой, некоторое время лишь молча на злосчастную эту ямину взирали, потом кому-то из них (не так важно кому) блестящая мысль в голову стукнула.

– Машину песка сюда! И несколько человек с лопатами.

Сказано – сделано! И двадцати минут не прошло, как исчезла бесследно зловонная ямина. А вместо нее ровненькая желтенькая площадка появилась – посмотришь, и глаз радуется!

А «новая метла», не подъезжая даже к конторе, где ее с нетерпением ожидали, решила прямо по хозяйству прошвырнуться. И так уж получилось: первое, что в глаза бросилось – свиноферма эта.

– Притормози-ка! – приказал первый секретарь водителю, тот послушно остановился.

Секретарь из машины выбрался и, дабы путь немножечко подсократить, решил к воротам свинарника прямо через желтенькую песчаную площадку махнуть. И махнул, и даже успел по ее гладенькой поверхности несколько шагов сделать, а потом...

Ну, вы сами, наверное, поняли, что потом.

В общем, после столь вопиющего, мягко говоря, инцидента, перестала «новая метла» такие внезапные вылазки по хозяйствам совершать. А о дальнейшей судьбе незадачливого того колхозного председателя рассказчик мне так и не сообщил, да я, признаться, и сам тогда судьбой его не особенно заинтересовался.

Ну не расстреляли же председателя этого, в конце концов! Не сталинские все же времена были! Брежневские, либеральные...

Алексей Артемьев

Овсень

Раз дед Яков Кутьин, спасаясь в сельском клубе от метели и присущей зимним вечерам тоски, стучал с мужиками в домино и, будучи почти что трезвым, завел такую речь:

– Вот ты, Ванек, орешь: «Рыба!», рот не ленишься разевать, зубишиши нам свои демонстрируешь. Дурак дураком, а на мысль меня вон на какую головастую толкнул: а ведь всякая зверушка любовь знает...

– Куды попало! – махнул Ванек Дубков, местный богатырь, рассевшийся на полстола. Остальные поддержали. Надоел говорун бестолковый. Кто глаза под лоб закатил, кто сплюнул, кто тему попробовал сменить... Ради Бога! Хоть вверх тормашками подвесь старика – не уймется, пока не доскажет.

– Иной раз глядишь, – продолжал он невозмутимо, – белка-мужичок за бельчихой по ветке крадется, любиться хочет. Аль кочет за курами носится, как се равно хозяйка шами пригрозила. Собак – тех и вовсе палкой не разгонишь. Стаями на свиданье ходят. Вон, Валет мой, царствие ему, месяцами, бывалоча, пропадал. И вот рыбий брат тоже... Изю всей скотины тока Васюля Маркин на девок не глядит.

Эх, было же хохоту! Куда домино, куда табуретки... Расползлись слушатели по углам – да за животы! Кашель, слезы, сопли, рожи у всех малиновые. Петька Фунтик аж потом облился.

– Ну ты сочинил! – кряхтел он, утираясь рукавом. – Думал, опять несурязицу, а ты того, по правде!

Васюля – и тот улыбнулся. Вот только шутке или так – не разберешь. Он вообще часто улыбался. Привычка эта у него с четырнадцати лет. Попался председателю ночью в колхозном поле. С мешком картошки за спиной. Председатель разбираться не стал. Уложил Васюлю меж борозд и вокруг всю ботву обстрелял из ружья.

В клубе Васюля сидел отстраненно, мало интересуясь ходом игры. К тридцати годам голова у него стала гладкая, как мячик. Зато щетина лезла от самых глаз, которую он, впрочем, по велению мамани исправно сбрасывал. По ее же настоянию он каждый вечер ходил в клуб. Искать невесту. Но как это делается, маманя не объясняла. Поэтому Васюля приходил, ставил себе стул рядом с батареей, закутывался в куртку и дремал до закрытия.

– Чаво молчишь? – насмеявшись, обратился к нему щупленький рыжий мужик Кузьма Коломин. – Когда жениться думаешь? Аль так и будешь в девках сидеть?

– Не-е... – блаженно протянул Васюля, – я лучше тут посижу.

Однако ж ни там ни сям ему долго засиживаться не пришлось.

Наступил Овсень. По Чудинкам поплыл черный дым. Разве что ленивый не выкатил ко двору шину да не зажег. Под песни, пляски, матерные частушки полетело в огонь ненужное тряпье. Где-то на Выселках, не страшась мороза, запиликала гармонь.

Повсюду запах блинов. Вдохнешь возле какого двора кухонного парка... Матерь Божья! Губы точно наяву слипаются от масла, и представляется, будто струится по бороде теплый солнечный сок. Никакой воли не хватит пройти мимо. Постучишь в дверь, прогорланишь по обычаю:

Овсень! Овсень!

Поддай блин совсем!

Неси, не трясись!

Давай, не ломай!

Добрая хозяйка попадется – что там блин! – в избу под ручку заведет, за стол усадит, стакан до краев нальет. А на столе чего только нет! Кушай, милый, досыта – что Бог подал, тем и богаты. Отломи блинца манного, в сметану покунай да настоечкой не поперхнись! Ты сальца, сальца вприкусочку! Скусно? Сама коптила, на вишневых веточках коптила! К соседке пойдешь – сроду у нее не так. Нет душка, аромату нету. Да и сама она, прости Господи...

Как стемнело, повывлезала из своих берлог вся нечистая сила: ведьмы, призраки, цыгане, милиционеры... То бишь ряженые. И давай шумными толпами шнырять по дворам. То бишь колядовать.

Отдельным отрядом передвигалась по деревне вполне себе анекдотическая троица: Красная Шапочка, Мент и Чебурашка. Троица успела попотчеваться не за одним столом, так что настроение имела праздничное и шла неспешно.

– Васюля, ты дурака не валяй, – говорила Красная Шапочка Чебурашке хриплым басом, – женитьба – дело нужное. – И кивнула Менту: – Правильно я говорю?

Мент – Сема Пирожков, розовощекий пупс тридцати пяти лет. По правде – камазист, а фуражку и китель позаимствовал у приятеля, бывшего участкового. Пивной животик – свой, хотя совсем как милицейский. Насчет женитьбы Пирожков был в корне не согласен с Красной Шапочкой. Он устал от каждодневных скандалов, и если бы мог вернуться на десять лет назад, то ни за что не предложил бы молодой школьной техничке помочь вымыть полы. Но для поддержания своего образа ответил: «Так точно».

– Во-о! И Семен говорит, что нужное, – басила Шапочка, больше походившая на волка. Плетеные косичкой завязки утопали в густой бороде. – Сегодня как раз все дома обойдем. Тормоза выключай. Выбирай себе... чебурашину.

Троица завернула к Кудашевым. Дверь открыл худой старик в растянутой тельняшке. Бедняга от изумления смог выжать из себя всего три слова. Но каких!

– Ох ты ж...

– Овсень, дед! – весело поприветствовала его Красная Шапочка, подтягивая панталоны, надетые поверх джинс. – Блин неси, чего встал? А лучше – что покрепше! Морозец, как бы не загнуться!

– Поздравляем вас с праздником! – пропел Чебурашка.

Старик совсем растерялся.

– Воистину воскрес... то бишь, это... Хозяйку крикну.

Через три минуты он уже выглядывал из-за широких плеч своей супруги. Супруга тучная до такой степени, что гадай – не гадай, а возраста не определишь. Лицо круглое, без морщин, зубы кое-какие с коронками, но все на месте. В одной могучей руке тарелка с блинами, в другой – бутылка белой.

– Ой, ой, какие нарядные, – заворковала она, – я вас и не узнала... Колька! – ткнула Красную Шапочку в грудь бутылкой. – Колька Зайцев, ты, что ли? Вот умора! Вылитый Дед Мороз! Бороду мазнуть известкой – и вылитый! – рассмеялась. – Ой, дурища-то! Вы угощайтесь, угощайтесь, сынки! И вот, на дорожку прихватите!

К большому разочарованию старика, она передала бутылку гостям.

– Спасибочки, – сказала Красная Шапочка, укладывая гостинец в корзину.

– На здоровьице!

В разговор вступил Пирожков.

– Гражданочка! – с наигранной серьезностью сказал он. – Просьба у нас вдобавок!

Старуха Кудашева, сын которой уже два года как сидел за взлом магазина, с неприязнью относилась к представителям органов. И даже видя, что перед ней не настоящий мент, а сосед через огород, все равно посуровела голосом:

– Какая ишшо просьба?

– Укажи, в какой стороне невесту искать?

Та недолго подумала.

– Не стыдно вам. Какие тут невесты? Бабы Маньки да бабы Ганьки. Женатые, а все туда же. В Козловку ступайте! – И закрыла дверь.

Посыпал крупными хлопьями снег, посему в Козловку путники торопиться не стали. Укрывшись под амбарным навесом, они принялись брать пробу с собранных гостинцев.

– Хороша, – с удовольствием протянул Пирожков.

– Какой там! – возразила Красная Шапочка, она же Колька Зайцев, здешний пастух. – Вот у меня дед умел гнать!

– Знаем, знаем! – согласился Пирожков.

– А из чего гнал, знаешь? Из сливы. Прямо перед домом росла. Высокая, пышная. Туалет у нас далеко был тогда. Это надо палисадник пробежать, потом за сарай... Дед стока не вытерпивал. Под сливу ходил. А как деда не стало, так и слива больше ни разу урожай не дала. Такие чудеса.

– Святой человек, – задумчиво сказал Чебурашка.

Пока путники пьянели, не на шутку разыгралась вьюга. Заморгали редкие фонари. Ветер со свистом сдувал с сугробов пушистые макушки и расстилал по дороге.

– Не доберемся, – ослабев от водки, засомневался Пирожков. Он повис на шерстяной шее Чебурашки, который крепче всех стоял на ногах.

– Да что тут идти! – заспорил Зайцев. – Километр от силы!

– В гору, – напомнил Пирожков.

– Да хоть в яму! Тем более пообещали уже человеку. Нехорошо обманывать... холостым всю жизнь... как без бабы... – Зайцев прижался к стенке амбара и почти уснул. Но, как говорят, ни с того ни с сего – выпрямил спину, расправил плечи; взгляд на мгновение отрезвел и наполнился смыслом.

Вдохнув морозного воздуха, он воскликнул:

– На санях поедем!

Сани нашлись на соседней улице. То были знаменитые в округе сани старика Кондрата Мякишева. Каждый Овсень ряженые что-нибудь обязательно вытворяли с ними: переворачивали, заваливали бревнами, скатывали в пруд. Раз пришлось старику стаскивать их с крыши сельсовета. Словом, подстрелили воробья всерьез. И дабы больше с санями ничего не приключалось, дед Кондрат приковал их цепью к фонарному столбу. А сам в сей час (равно как и предыдущие пять), погасив в избе свет, караулил их у окна. Готовый выбежать по первой тревоге, службу он нес в тужурке и валенках. А покуда старушка его была очень уж теплолюбивая и кочегарила с щедростью, пот с седой головы деда Кондрата

тек ручьями.

Метель усложнила ему житье.

– Не видать ни зги, – жаловался он супруге. – Пойду, что ли, выйду...

– Уймись, окаянный! – уговаривала она его. – Кому они нужны, какому...

Но дед Кондрат, тридцать с лишком лет отработавший сторожем на дойке, доверился своему многоопытному чутью. И, как оказалось, не зря. Досмыгав до «стоянки», он обнаружил поваленный столб, милицейскую фуражку и глубокие следы полозьев на свежем снегу, уходящие в ночную темень. Ни словами, ни дикими возгласами не передать той обиды, что обожгла грудь старика.

– Стоять, гады! – завопил он и, придерживая шапку, кинулся вдогонку.

Злоумышленников он настиг через два дома. И не мудрено: двое (как старику показалось, Че Гевара и медвежонок) тянули за оглобли, а третий, зарывшись в солому, по-барски спал в санях.

– А ну, выпрягайтесь! – скомандовал старик и ухватил сани за раму. Первые двое обернулись.

– Дед, тебе чего? – тяжело дыша, спросил Зайцев. Красный чепчик у него съехал на затылок.

– Стой, говорят! Мои сани!

Проснулся Пирожков. Поморщился, пробурчал:

– Кто кричит?

– Я кричу! – взвизгнул дед, упираясь ногами в снег. – Вылезай, ворюга! Ишь ты, повадились! Мне ходить чижало, а они измываются! Им все шутки! А мне бегай по такой сипухе, отлавливай вас! Разворачивайте, ну!

– Ничего с твоими санями не случится, – мямлил Пирожков, – мы тока попользовать. Ступай домой.

– Ступай, ступай, – поддержал Зайцев.

Дед по-молодецки запрыгнул в сани. Вытянул ноги, уселся поудобнее.

– Никуды не сойду, пока на место не поставите! – заявил он.

Молчание.

– Ну и сиди.

За десять минут проехали еще три двора.

– Тяжелый же ты, деда, – пыхтел Зайцев. – Бабка, видать, одним мясом кормит...

– Вертайтесь, – примирительным тоном сказал дед Кондрат, – будет с вас. Накатались.

Должно быть, так путники и поступили бы. Но тут Зайцева (опять ни с того ни с сего) посетила совсем уж гениальная мысль:

– Кобыла нужна!

Старик аж подпрыгнул.

– Какая кобыла? Поозрвали, и хватит! Вертайтесь, говорят! По добру прощу! На кой вам кобыла?

– В Козловку свататься поедем, – объяснил Чебурашка.

– Вот окаянные! Пешком ступайте, пока утихло маненько! Оставьте сани Христа ради!

Тут до Козловки рукой подать!

Остановились. Зайцев бросил оглоблю. Подошел к старику вплотную и, не проронив ни слова, стал рыть под ним солому.

– Ты чаво эт? – пискнул старик.

– А вот чаво! – Зайцев вытянул за ручку прикопанную корзину с гостинцами. – Забирай, только отвяжись!

Старик, прицениваясь, перебрал бутылки. Посидел, подумал. Праздник так-то никто не отменял. Старуха третий сон видит; а мужики, знай, в котельной в переводного режутся, в кулак зевают. А тут – он, с корзиной...

– Сани когда вернете? – кротко спросил он.

– Завтра и вернем, – пообещал Зайцев, – и упряжь, какую есть, неси.

За кобылой полезли в первый же двор. Вокруг двора – двухметровый забор.

– Васюль, загибайся, – распорядился Пирожков, – мы к тебе на спину – и туда.

Так и сделали.

– А я? – обиженно произнес Васюля, стряхивая снег со спины.

– Ты сани охраняй.

Очутившись во дворе, воры стали осматриваться. Слева, справа, спереди, куда ни плюнь – калитки.

– Богатые хозяева, – смекнул Зайцев, – кобыла так и так будет.

Зашли наугад. Темнота кромешная. Принялись ползать, искать наощупь.

– Ага! – вполголоса воскликнул Пирожков. – Никак, хвост!

– Где? Ну-ка! И впрямь хвост! Хвост есть – гажо!

– Копыта!

– Копыта?.. три, четыре... Гажо!

– Уши, харя...

– Гажо!

– Рога.

– Рога?! – Молчание. – Гажо!

Открыли ворота, выгнали корову. Взялись запрягать. Корова с такой участью мириться не желала: топталась, лягалась, воротила морду. Но усердие, с которым три поддатых хлопца опутывали ее, взяло верх.

Зайцев хлопнул вожжами.

– НО-О!

Корова от испуга вздыбилась и понеслась прыжками с задних ног на передние. Хвост – трубой, как у кота, увидавшего собаку.

– С ветерком! – воскликнул Васюля.

Ехали короткими перебежками. Корова виляла, упиралась, иногда вдруг останавливалась, громко нюхала снег и отмахивалась хвостом от вожжей, как от мух. Зайцев и Пирожков так увлеклись поездкой, что совсем забыли о своем молчаливом товарище, ради которого, собственно, и устраивался весь этот сыр-бор. А Васюля, прикорнув, с каждым резким стартом по чуть-чуть перекачивался назад, пока не вывалился где-то за деревней. Его пропажи приятели не обнаружили и по приезде в Козловку.

– Э-э-эй! Здорово, козлики! – заорал Зайцев толпе молодежи. Приноровившись, он стал управлять стоя. Розовощекий Пирожков сидел рядом и выкрикивал, как торговка за прилавком:

– Девчонки! Кто замуж хочет, налетай! Жениха знатного доставили! Обзавидуетесь! Молодой, красивый...

– Приличный! – подхватил Зайцев. – Баб без любви не щупает! А ну, расступись!

Под общий смех и визг корова промчалась сквозь толпу.

– Ну, где невеста? – не унимался Пирожков. – Кто дома засиделся, выходи! Тили-тесто лепить будем!

– Это вам туда, – сказала миловидная девушка в шапке с бумбончиком. Она показала на вторую с края улицы избу. – Там точно засиделись!

Хохот.

– Понятненько! НО-О!..

Жила в той избе семья Бубновых: старуха, старик и их единственная дочь Нина, накануне встретившая (но не отпраздновавшая и даже не отметившая) свое сорокапятилетие. В Козловке, если речь заходила о горькой участи старой девы, любому сельчанину представлялось лицо Нины, ее мясистый нос, волосатая родинка на щеке и волевой подбородок, проборожденный канавкой. Четверть века Бубновы-старшие пытались устроить судьбу своего чада: волочились за местными молодыми людьми, мило общались с вдовцами, каждый вечер перед сном молились, каждый месяц водили Нину к ворожее снимать сглаз. И вот Бог их наконец-то услышал.

– Хозяева, открывайте! – горланил Зайцев, подъехав к самому крыльцу. – Сватья приехали!

Бубновы решили, что это, верно, кто-то захотел в озорной праздник посмеяться над их бедой. И дверь отворили не за тем, чтобы встретить гостей хлебом-солью. Старик вывалился с ружьем, старуха – с ухватом, а сама Нина – со скалкой, которой как раз взбивала масло. Выйдя, они убедились, что приехал не принц, не на белом, да еще и не на коне (да еще и не приехал).

– Это что за банда? – усмехнулся Пирожков.

Старик направил на него ружье. Усмешка мгновенно исчезла.

– Пшли отседова! – взвыл старик.

– Вы что, одичали? – ошеломленный, пролепетал Зайцев.

– Я шутить не сумею, – предупредил старик, – гварю сурьезно, пшли!

– Мы же...

– Пшли!

– Да е...

– Пшли!

Зайцев собрал в кулак (а может, куда-то еще) всю свою смелость и рявкнул:

– Не пшикай мне тут!

– А ты мне не тыкай!

– А ты мне не мнекай!

– А ты... ты... руки вверх!

– Пошел ты!

– Это вы пшли!

– Тьфу! Срамота! – вскипел Зайцев. – Мы вам жениха по такой пурге везли, черт-те знает откуда, а вы нас пиф-паф?! Где невеста? Отвечайте, оголтелые! А то дальше поедем – и хрен с вами!

Видя, что намерения у гостей серьезные, старик опустил ружье. Переглянулся со старухой. Старуха опустила ухват.

– Где невеста? – повторил Зайцев.

Старик обмякшим голосом ответил:

– С пяхталкой которая.

Нина спрятала скалку за спину и смущенно отвела глаза.

Тишина.

– Тогда и сватовству время! – осмелился первым заговорить Пирожков. – Ваш товар – наш... товар тоже. Или как там? Короче, ваш выход, Василий! Вась...

И тут обнаружилась пропажа. Зайцев и Пирожков кинулись ощупывать солому.

– Кто ж из вас жених? – с подозрением спросила старуха.

– Жених-то... – протянул Зайцев, заглядывая под сани.

– А жених-то у нас не смог! – легонько пнул его в бок Пирожков.

Зайцев поднял голову.

– Верно, не смог...

И, по обыкновению своему, они навешали Бубновым на уши столько лапши, да так смачно приправили укропчиком, петрушечкой, пережаренным лучком с морковкой, поперчили, посолили – все в меру и по вкусу. Получилось – пальчики оближешь. В общем, обошлись без жениха. Сватовство отмечали до самого утра.

А жених, отоспавшись в сугробе, встал и как ни в чем не бывало побрел домой. Маманя, до которой успели дойти слухи о помолвке, встретила его со слезами и поцелуями:

– Золотой мой! Драгоценный! Неужто дождалась?

Васюля выбрался из объятий.

– Чего меня ждать? Приду, не заплутаюсь.

– Да я про невесту, дурачок мой!

И рассказала, что слышала от людей. Васюля удивился, но радость поделил – больше не придется по вечерам таскаться в клуб.

– Вот так Овсень! – потом за чаем смеялась маманя. – У Макара Ухова сруб разобрали, дверь заложили. На работу в окошко выходил. У Мякишевых опять сани угнали. Дед с ранья ходит, ищет. Кой-как ходит. Видать, тоже овсенькал. У Кольки Зайцева корову украли...

Васюля поперхнулся.

– У Зайцева?

– Ага! Вот такие блины!

Владимир Ржин

Кулинарный конфуз

Прошу меня извинить за некую вульгарность, но все происходило именно так...

После окончания лекций часть студентов рванула к «Елочке». Это было неприятное кафе, известное дешевизной своих блюд. Именно поэтому к осенним сумеркам от утреннего ассортимента мало чего оставалось. Иногородним – куда деваться? Да и размер стипендии не зашкаливал, чтобы быть привередливым.

Николай уныло пересчитал имевшуюся у него наличность: особо не разгуляешься. Пришлось довольствоваться одной порцией гуляша, скудно смотревшейся на тройном гарнире. В придачу к этому позднему часу в качестве гарнира оставалась лишь вялая тушеная капуста. Сойдет. Голод – лучший помощник аппетита.

Когда он подходил к ближайшему столику, то с удивлением обнаружил там свою сокурсницу Машу, которая брезгливо ковырялась вилкой в подобном же блюде. Станным было то, что она, городская студентка, позарилась на еду в этой кафешке, где только иногородние и транзитные питались за неимением вариантов.

– Ты это чего? Какими судьбами здесь оказалась? – выпалил он с ходу, усаживаясь напротив нее.

– А... – отмахнулась она вилкой. – Родичи смылись до завтра на дачу, сестрица с кавалером умчалась в кино, а готовить самой лень.

Наступила пауза, посвященная приему пищи. Хоть Маша начала кушать и до него, но тарелки опустели почти одновременно. За чаем завязалась неторопливая беседа обо всем понемножку. Разговор кончился тем, что Маша пригласила Кольку к себе.

– Посидим, музыку послушаем... – туманно объяснила она.

Новоявленный кавалер, которому общага была уже по горло, с радостью согласился.

Они пошли пешком – было не слишком далеко. Вот тут-то у Кольки и начались некоторые продвижения в желудке. Он будто внутренним ухом слышал громкие ругательства в животе. «Хорошо, что хоть не слышно на фоне городского транспорта, – подумал он про себя. – Это, наверно, капуста такую подлянку устроила».

К тому моменту, как они подошли к нужному дому, рев в его кишечнике будто затих, но... захотелось в одно место – срочно и без промедлений! «Как зайдем, первым делом – в толчок», – прикидывал Колька свой экспресс-план. Однако шустрая хозяйка безжалостно опрокинула его надежды.

Пока он, человек культурный, скидывал свою обувь, Маша рванула в туалет и дверца резво защелкнулась!

Смачно выругавшись про себя, он стал в нетерпении подпрыгивать у входа в заветное место. Хозяйка, не подозревавшая о его мучениях, расселась там основательно. Газы подпирали, требуя выхода, и он срочно предпринял другой вариант.

Колька прошмыгнул в темный зал, слабо освещаемый уличными фонарями и отделенный от прихожей стеклянной перегородкой. Тут же, не особо задумываясь, он громко испортил воздух... И не один раз.

Если при обычных жизненных обстоятельствах неприятный запах достаточно быстро рассеивался сам по себе, то в этот раз (чертова капуста!) – амбре стояло без движения. Не зажигая света, он разглядел в полутьме балконную дверь и сноровисто ее распахнул.

А толку-то... Современные балконы так плотно закупорены, что свежего воздуха – шиш! Колька подвигал взад-вперед балконной дверцей, рассчитывая создать вентиляцию, но жуткий запах будто и не собирался покидать помещение. «Сейчас из туалета выскочит Машка, принюхается, – какой облом!» – мысли подстегивали его опасения.

Наконец, чтобы хоть как-то ускорить проветривание комнаты, он снял с себя пиджак и начал шустро крутить его над головой. Карлсон своего рода. «Пусть хоть немного по квартире развеется...» – он настойчиво не ослаблял вращательных движений.

– Коль, ты где? – Услышанный окрик заставил его оцепенеть.

Маша, не увидев в прихожей своего попутчика и не разглядев его в темноте зала, сильно озадачилась.

– Я здесь! – был вынужден Николай подать голос. Она открыла разделяющую их стеклянную дверь.

– А что же ты здесь торчишь в темноте? – последовал резонный вопрос. Недолго думая, хозяйка включила свет.

Колька уж собирался ей чего-то наплести с три короба, как взгляд его тормознулся, а рот непроизвольно распахнулся...

На небольшом диванчике возле стены на него испуганно таращились два скукожившихся там человечка. Как он чуть позже узнал – младшая сестричка Маши и ее ухажер. Застывшая мимика их лиц была чрезвычайно выразительной.

Вячеслав Майоров

Художники

Стоило мне закрыть глаза, как в голове со все нарастающим протяжным гулом в неопишимо дикой и преувеличенно пестрой кавалькаде начинали кружиться жуткие, сюрреалистические картины. Словно задремавший водитель, я вскидывал голову, выпучивал глаза и, поймав адреналиновую волну, вновь принимался за работу.

Я делал копию с репродукции картины Кандинского «Композиция 7» в подвале саратовского краеведческого музея.

Мишка бесовестно дрых среди листов оргалита, багетных рам, черепков с индоиранским орнаментом, пустых бутылок, арбузных корок и нижней челюсти первобытного кабана, доверху набитой окурками.

Однако вернемся на два дня назад.

29 июля 2018 года. Полдень. Саратов. Набережная.

Только что закончился короткий и крепкий ливень. Рябилась и сверкала река. Как паркет в Соборном зале Эрмитажа, блестела набережная. В воздухе тлел едва уловимый аромат откушенного яблока, разрезанных огурцов и вскрытых початков незрелой кукурузы; но все плотнее и настойчивее вытеснял его густой и ленивый сладковато-ландышевый привкус вновь нарастающего зноя.

Мы стояли, облокотившись о парапет, жевали батон с изюмом и мечтали незамеченными пробраться в трюм отплывающего в Астрахань теплохода. Длинно и тоскливо разносился по набережной его гудок.

– Добрый день, молодые люди, – раздался за нашими спинами чей-то хорошо знакомый баритон с неповторимым акцентом.

Мы обернулись. Над нами грузно навис породистый грузин Мархваидзе Георгий Гурамович – завкафедрой археологии и по совместительству директор местного музея.

– Стало быть, вы готовитесь к предстоящему концерту на палубе белоснежного теплохода? А где, позвольте полюбопытствовать, ваша гитара и, пардон, бабочка?

– ??...

– Прошу простить меня великодушно, но я был невольным свидетелем вашего железнодорожного турне, и даже внес посильный вклад...

Пару недель назад, испытывая чрезвычайную нужду в деньгах, мы совершили небольшой вояж в вагонах пригородных электричек, на всем протяжении которого Мишка, совершенно не умея играть, настраивал гитару, а я артистично поправлял бабочку. Никто из пассажиров не сомневался, что в следующем вагоне будет дан грандиозный концерт. Так мы доходили до последнего вагона и вытряхивали мелочь меломанов со дна гитарного чехла.

– Мы вернем вам...

– Совершенно не о чем беспокоиться! Вы достойно заработали их. Меня привлекает пытливость и находчивость ума моих студентов, – спрятал он улыбку в роскошных усах. – Если я вас правильно понял, вы испытывали некоторые финансовые затруднения?

– Да, некоторые...

– Что ж, если этот вопрос не утратил своей актуальности, осмелюсь предложить вам неплохой вариант.

– Какой?

– Вы, Берестов, если мне не изменяет память, недурно рисуете?

– Да, я три месяца учился в художественной школе.

– Великолепно!

План профессора состоял в следующем: мы должны были делать копии картин известных художников русского авангарда «для эстетического удовольствия ценителей изящного искусства». Судя по всему, Кандинский с Малевичем в нашей интерпретации должны были маскировать дефекты стен на дачах и в гаражах этих ценителей.

– А какая цена? – бесцеремонно спросил Мишка.

– А вы, э-э...

– Михаил Гречкин.

– ...господин Гречкин, имеете какое-либо отношение к изобразительному искусству?

– Да, черный квадрат я могу нарисовать.

– По квадратам, к сожалению, все заказы перекрыты на несколько лет вперед.

Относительно же расценок – э-э... они будут варьироваться в зависимости от сложности исходного материала и качества выполненной работы. Положим, Лисицкий будет дешевле, Кандинский – несколько дороже.

Конкретную цифру мы так и не услышали, зато теперь у нас была крыша над головой, интереснейшая работа и перспектива заработка!

Моя «Седьмая композиция» все более напоминала пародию ее одноименного оригинала.

– Хм... Интересно, бывают ли шаржи на абстракцию? – зевая, почесывал щетину Мишка. – Если нет, тогда поздравляю – ты основатель нового направления в сатирическом искусстве.

– Верх остроумия! Ты здесь вообще только благодаря моему незаурядному таланту!

– Незаурядными могут быть способности, а талант – он или есть, – Мишка взял в руки репродукцию Кандинского, – или же напрочь отсутствует, – перевел он взгляд на мое многострадальное полотно.

– Что бы ты еще понимал в искусстве!

Дверь распахнулась, и в нашу комнату влетела широчайшая улыбка, а спустя секунду и ее хозяин, профессор Мархваидзе:

– Доброе утро! Ну как наш Кандинский? Уже перевоплотился? – с воодушевлением подскочил он к моему полотну и побледнел. Возбужденный оливковый взгляд его в мгновение потух, а авангардная улыбка превратилась в гримасу боли.

– Что это?

– Василий Кандинский.

– Это мне известно! Вот это – что такое? – всасывался он взглядом в мой шедевр.

– Копия...

– Сделайте одолжение, напомните мне, пожалуйста, какую художественную школу вы окончили?

– Третью, но я...

– Третью... третью... – бормотал он, безуспешно пытаясь сфокусировать взгляд на моей

картине. – Третью?! – вдруг чрезвычайно удивился он и, схватив полотно, вышел прочь.

– Наверное, на аукцион понес, – оскалился выпавшийся Мишка. – Ну что ж, Алексей Николаевич, сегодня вечером мы будем пить бордосское вино в каюте первого класса теплохода «Александр Невский», а на коленях у нас будут сидеть...

– Да заткнись ты уже, – швырнул я в него кисть, – лучше подумай над тем, где будешь ночевать сегодня!

Великолепная улыбка профессора влетела в мастерскую так же неожиданно и вдохновенно, как и два часа назад:

– Заказчик в восторге! Заказал еще пять полотен!

– Как? – раскрыл я рот.

– Не может быть! – подобострастно взглянул на меня Мишка.

– Друзья мои, тяга к искусству просыпается при избытке времени или денег. Наш клиент – счастливый обладатель того и другого, а присутствие вкуса при этом делается совершенно избыточным, – плескалось счастье на его лице.

– А-а-а-а, – облегченно выдохнул мой завистливый друг.

– За сим спешу откланяться. Да... выберете сами, что-нибудь из Татлина или Делоне.

– Но он же не...

– Не имеет значения! Клиент разбирается в авангарде так же, как Гринчишин в аккордах!

– Гречкин, – поправил Гречкин.

– Простите великодушно, маэстро. Вот вам аванс, – припечатал он тысячу к столу. – Остальное – после.

Схваченный воздушным потоком, профессор исчез в дверях.

– Конечно, не Шато Лафит в каюте первого класса, – отлепил я от краски тысячерублевку, но «Алазанскую долину» среди костей и арбалетов я тебе гарантирую!

– Наш первый гонорар! – примерил профессорскую улыбку Мишка.

– М-О-Й первый гонорар! – процедил я с расстановкой и прилепил банкноту к его лбу.

Работа закипела. Мы выдавали по 3-4 шедевра в день. Мишке все-таки пришлось открыть в себе талант художника. Мы работали вахтовым методом, по два часа. Ставка оказалась неизменна: тысяча рублей – картина.

К концу второго дня мы уже без труда отличали Кандинского от Миро, а Мондриана от Делоне. К концу третьего – через содомовый хаос линий и фигур, сквозь пятно-кляксовый террор и цветосветовой апокалипсис – мы стали находить композицию. К утру четвертого дня (когда подходила к концу работа над незабываемой «№ 11» Поллока), мы приблизились к святой святых – таинству Идеи. И чем меньше вина оставалось в стакане, тем явственнее открывался нам ее сакральный смысл.

– Зря я не поехал в Астрахань, арбузы грузить! – швырнул кисть в стену Мишка. – Это не

картина, это диагноз! Кто этот Поллок? Псих? Наркоман? Извращенец? Кто ему вообще позволил взять в руки кисть?

– Вполне обычный гений-алкоголик.

– Я так и думал. В нормальном состоянии этот бред невозможно нарисовать!

– Он смешивал краску с песком, битым стеклом и в истерике разбрызгивал ее по полотну.

– Я же говорю – псих!

– Так получались картины, которые сейчас стоят миллионы.

– А мы получим жалкую тысячу, вывихнув мозги наизнанку, чтобы скопировать этот парафренический синдром!

– Искусство стоит ровно столько, сколько за него готовы платить.

– Искусство? Этот Клондайк психиатрии ты называешь искусством?

– Он был первый, и потому – гений! Возьми «Черный квадрат» (тут Мишка издал протяжный стон). Нонсенс! Пощечина общественному вкусу! Никто так не делал до него! А он взял и сделал! И создал свою философию.

– Под любой бред можно подвести идею!

– И если она имеет эмоциональный отклик, у нее найдутся свои приверженцы.

– От этого он не перестанет быть бредом. Это не искусство, это – глобальная мистификация! Афера!

– Это был прорыв! Не предмет стал во главу угла, а образ! Не тело, а душа! Они не могли по-другому выразить свои мысли и чувства. Им стало тесно в рамках классического направления.

– Конечно, если они не смыслят в нем ничего. Проще всего сказать «я так вижу». Не надо искать гениальность в помойном ведре!

– Не пори чужь! Чтобы нарушать правила, надо знать их. Многие художники ушли от академического стиля – взять Модильяни, Дали, Моне, Ван Гога.

– Да потому, что их картины не продавались. И на пустом месте придумали идею, философию, но там нет ничего! Пустота!

– Каждый видит то, что хочет видеть!

– Ты хочешь увидеть то, чего нет! Ты создаешь сюрреализм в своем сознании, придумываешь свой дубликат мира. А я верю глазам своим. И вижу, что король – голый!

– Это пластичное и вариативное искусство! У реализма нет вариантов, бери что дают. А здесь – ты художник! Сделать творцом тебя – вот главная цель его!

– Зато там я могу выбрать еду, а не сдохнуть от голода, если у меня отсутствует большое воображение!

– Реализм атрофирует твоё воображение! Статичность замораживает твой творческий потенциал. – Мимика и жестикуляция мои были необычайно выразительны.

– Я хочу видеть сюжет, композицию, перспективу! – возносил Мишка руки к небу, как Муссолини. – Если этого нет – это не искусство, а профанация!

– Если произведение порождает эмоции, то имеет полное право на существование и представляет ценность в искусстве! – кричал я.

– Породить эмоции может и куча говна! – завывал мой оппонент.

– Ты отказываешь ему в праве на существование?

– Какое оно имеет отношение к искусству?

– А где начинается искусство?

- Где?!
- У тебя в голове!

...О! Это было прекрасное, незабываемое время! Где вы, где, мои юные дни...

К концу второй недели нашего пребывания в стенах подвала краеведческого музея профессорская улыбка стала угасать, взгляд тускнеть, а дорогой парфюм его начинал источать приторный аромат меланхолии.

Наконец в одно дождливое утро (на это указывали электронные часы на стене и мокрые профессорские усы) он принес нашу картину обратно. Это была «Медитация» Рихтера, сделанная буквально за полчаса в необыкновенном творческом экстазе. Мы спешили запечатлеть в истории мировой живописи волну величайшего вдохновения, вдруг одномоментно захлестнувшую нас. Экспрессия и энергетика нашего шедевра оставляла оригиналу лишь жалкую роль тени отца Гамлета.

– Настала пора порченья мира! – кричал Мишка, остервенело нанося мазок за мазком.

Я выхватывал у него кисть и в бредовом упоении портил его снова и снова...

Однако наш непривередливый «ценитель изящного искусства», судя по всему, заполнил под завязку зал авангарда своей картиной галереи...

«...и не посчитал нужным пополнить запасники», – печально пошутил профессор и горько улыбнулся.

– Что же теперь делать? – простодушно спросил Мишка.

Профессор взглянул на нас удивленно, аккуратно поставил наш шедевр на стол и оставил за собой тоскливо скрипнувшую дверь.

– Собирать манатки! – ответил за него я.

– Куда же мы пойдём?

– На паперть. Сколько мы выпили вчера?

– Не помню.

– Даже самый безвкусный в мире коллекционер не захотел признавать в этом живопись.

Сколько у нас денег?

– Три тысячи семьсот.

– Даже на самую паршивую однушку не хватит. Нужно еще две триста. Где их взять?

– Не знаю.

– Запомни одну простую вещь, запомни навсегда...

– Никогда не мешай, ты это уже говорил, – страдальчески вздохнул Мишка.

– Да, и никогда не рисуй пьяным.

– Но Поллок же...

– То – Поллок, а то – Гречкин...

– Проходите, проходите гражданин, это узконаправленное, высокоинтеллектуальное,

камерное искусство, увы, не каждому дано понять...

– А чего тут понимать-то? Моя трехлетняя внучка и то лучше нарисует.

– Я счастлив, что у вас такая талантливая внучка. Проходите, пожалуйста.

– Граждане, только сегодня и только у нас вы можете прикоснуться к творчеству талантливейшего художника, ярчайшего представителя андеграунд-авангарда, иконы стиля и законодателя мод современного искусства Лазаря Спасклепского!

Лазарь Гречкин полулежал на раскладном стуле возле мольберта с нашей «Медитацией». Шею его обматывал зеленый вязаный шарф с длинными кистями, с головы свисала гигантская клетчатая кепка, в зубах торчала папироса «Беломорканал». Весь этот джентльменский набор художника мы приобрели тут же – на стихийном блошином рынке проспекта Кирова.

Продюсерский талант мой начинал приносить первые плоды.

– Его на той неделе по «Культуре» показывали, – шепнул соседу седовласый гражданин в молочном костюме и роговыми очками на носу. Сосед в майке-сеточке, шортах и с рюкзаком на плече удрученно и сочувственно замотал головой.

Лазарь сделал губы уточкой и воспарил над облаками.

– А что за картина-то?

– Как называется?

– Эта художественная композиция, выполненная в стиле экспрессивного психоделического ньюпостэйджмодерна, под названием «Поцелуй Иуды», олицетворяет неравную борьбу сил разума, чистоты и света с темнотой человеческих пороков, соблазнов и самых мерзких искушений.

– А что художник молчит? – пробасил толстяк в сиреновом трико.

– Он медитирует, – таинственно улыбнулся я.

Мишка замер.

– Для достижения глубин творческого вдохновения он входит в транс, настраивается на частоту высшего разума и... видит картины, наполненные космической мудростью...

Мишка стал издавать звук, отдаленно похожий на горловое тувинское пение.

– ...и божественным откровением, – пнул я его по ноге. – По возвращении из астрального мира он переносит их на свои полотна. Эта картина пришла ему накануне...

– А сколько она стоит?

– Вы же понимаете, что она бесценна. Но только сегодня и только для вас она будет стоять... две тысячи семьсот пятьдесят рублей.

Бейсболист исчез первым, за ним потянулись толстяк и турист с рюкзаком. Любитель телеканала «Культура» тактично постоял возле картины, из уважения к медийной личности даже ощупал портмоне и, тяжело вздохнув, поспешил скрыться из виду.

– А что они хотели? Этот шедевр за пятьсот рублей?! – негодовал я.

– Пусть пятьсот! – выплюнул окурок Мишка, – хоть шарф с кепкой окупили бы.

– Какой ты, оказывается, мелочный тип! А еще художник!

– Продавать абстракцию в Саратове – все равно что читать Канта морякам!

– Друг мой, ты живешь в 21 веке, где нет гильотины и почти бесплатный интернет, и ты еще чем-то недоволен?

– Молодые люди, сколько вы просите за это полотно?

Мы обернулись. Перед нами стоял высокий худощавый господин лет шестидесяти, поразительно похожий на Дон Кихота с иллюстрации Доре.

– Пятьсот рублей! – не дал мне раскрыть рта Мишка.

Дон Кихот оценивающе посмотрел на нас, потом на картину. Отошел на несколько шагов, прищурился на картину, затем на нас... Почесал эспаньолку, присел на корточки, вскочил, в два прыжка оказался у мольберта и снова отпрянул в сторону.

– Я боюсь, как бы он не разглядел в ней мельницу, – шепнул мне Мишка.

– Хорошо, что у него нет копья, – разделил я его опасения.

Герой Сервантеса еще какое-то время попрыгал возле картины и наконец достал кошелек, костлявыми пальцами отсчитал три сотни...

– Хм, куда ж я их дел? – закусил он длинный ус. – У вас нет терминала?

Терминала у нас не оказалось.

– Вот что, – отстегнул он от джинсовки и протянул Мишке карманные часы с цепочкой, – это подарок Ильинского, я оставляю их в залог.

Мишка с почтительным поклоном принял подарок.

– Я целиком и полностью полагаюсь на вашу порядочность, – протянул мне визитку Дон Кихот, – завтра в двенадцать я буду ждать вас по указанному здесь адресу. Вы получите вдвое больше. – Он схватил картину, стрельнул у Мишки папиросу и, звеня шпорами, скрылся в толпе.

Мы переглянулись.

– «Дорогому другу и учителю Тинскому Г. от И. Ильинского», – прочитал Мишка гравировку на часах. – Кто такой Ильинский?

– Актер, но для учителя этому типу нужно быть по меньшей мере Мейерхольдом. – Я взглянул на визитку: – Художественный руководитель театра-студии «Эксперимент», заслуженный артист Казахской ССР, режиссер-постановщик Тинской Георгий. Саратов, ул. Песчано-Уметская, 28 д.

– Как его сюда занесло?

– А где эта Уметская?

– Где-то ближе к Москве...

Марат Валеев

Крик в ночи

– Лев Михайлович! – представился мой сосед в санатории «Красноярское Загорье». И зачем-то добавил: – Майор в отставке.

– В каких войсках изволили служить, товарищ майор? – спросил я. Товарищ майор сообщил, что он артиллерист, был начальником вооружения.

Представился и я, порадовав соседа, что тоже офицер в отставке. Правда, всего лишь лейтенант. Но старшой.

– Вот и чудненько! – ласково сказал Лев Михайлович, отечески глядя на меня с высоты своего майорского положения. – Надеюсь, будем жить дружно?

– А отчего же не пожить? – не менее дружелюбно ответил я соседу.

Пока туда, сюда – наступил вечер. Сходили на ужин, посмотрели телевизор, дружно поругали надоедливую рекламу. Стали отходить ко сну. Михалыч (условились, что я буду называть его так) как бы между прочим сказал:

– Слышь, старшой, я ночами того... иногда разговариваю. Раньше спал молча, а вот года два как стал разговаривать во сне.

– Да ради бога! – успокоил я его. – Может, чего интересного расскажешь.

Слышу, Михалыч почти тут же захрапел. Не заметил, как заснул и сам – день был утомительным, одна пятичасовая дорога на автобусе от Красноярска чего стоит.

И снится мне... И снится такое, что даже неловко об этом говорить. Но тут я буквально подлетаю на своей кровати от оглушительного рева:

– К-куда? А ну назад! Смир-р-рна-а!

Сделав руки по швам еще в воздухе, я опять рухнул на кровать. Она, и без того расшатанная, жалобно взывала всеми своими сочленениями. Дрожащей рукой нашарил пимпочку ночника и включил его. Михалыч сидел на кровати и строго смотрел на меня невидящими глазами. Я понял, что он продолжает спать.

– Я кому сказал? А ну, подойди ко мне! – так же громогласно потребовал майор.

– Да пошел ты! – рывкнул я в ответ и потянул из-под головы подушку, чтобы привести его Михалыча в чувство. Но Михалыч вдруг часто заморгал и с удивлением спросил:

– А ты почему не спишь?

От возмущения я захватал ртом воздух, не найдя что сказать. Да и что тут скажешь, если человек, похоже, абсолютно не знает, что с ним происходит во сне. Или знает, но ничего с этим поделать не может.

– Спи давай! – ворчливо сказал майор, откинулся на подушку и тут же захрапел.

У меня, естественно, ни в одном глазу. Взял книжку, тупо стал перебегать глазами со строчки на строчку. Прошло пять минут, десять... Михалыч продолжал мирно похрапывать. «Может, все на сегодня?» – с надеждой подумал я. Но заснуть не мог – разболелась голова. Полез в прикроватную тумбочку за таблетками.

– А ну, поставь ящик обратно! – скомандовал мне кто-то в спину, и я от неожиданности чуть не сел на пол. Оглянулся – Михалыч полулежал на постели, облокотившись на подушку и, как и в первый раз, открытыми, но невидящими глазами строго смотрел на меня. – Ишь, повадились таскать тушенку! Где накладная?

«Ага, понятно, какой ты начальник вооружения! – смекнул я. – Продскладами ты

командовал, а не снарядами». Сам же смиренно сказал Михалычу:

– Есть поставить ящик на место, товарищ майор!

– То-то же, – удовлетворенно сказал Михалыч, упал на подушку и захрапел.

В эту ночь мне пришлось вставать еще раз – под утро я оттащил Михалыча от выхода на балкон: оказывается, он собрался в туалет, да перепутал двери. Представляю, какую бы он сделал кучу, шлепнувшись с восьмого этажа!

А утром, когда я рассказал майору, чего он вытворял ночью, тот мне не поверил. Но задумался. Я же, не позавтракав, устремился к администраторше с просьбой отселить меня от горластого лунатика куда подальше. По возможности – в отдельный номер, за очень дополнительную плату. Но накануне случился массовый заезд отдыхающих, и все номера оказались забиты под завязку.

Ну, думаю, ладно, потерплю. А пока пошел в аптеку и попросил чего-нибудь успокоительного. Без рецепта, разумеется, мне ничего не дали. Но посоветовали купить беруши – ушные затычки из мягкой резины. В следующую ночь я улегся спать с заткнутыми ушами. Да что толку – опять проснулся от вопля Михалыча, хотя и несколько приглушенного благодаря берушам. В этот раз бравый старик с кем-то дрался во сне: сидя на кровати, махал кулаками и громогласно издавал боевые кличи. И тут меня осенило. Михалыч, даже если он интендант, но все же военный, и субординация, воинская дисциплина для него не должны быть пустым звуком. Надо попробовать пробиться к его сознанию с этой позиции. И я зычно скомандовал:

– А ну, тихо, майор! Перед вами генерал! Руки по швам, и чтобы ни звука мне до утра! А то сделаю из тебя капитана!

– Есть, товарищ генерал! – сдавленным голосом ответил Михалыч. Он вытянулся на кровати, сделал руки по швам и негромко, деликатно засопел. И в эту ночь уже не будил меня своими дикими криками.

Утром я спросил майора:

– Ну как тебе спалось, Михалыч?

– Ты знаешь, кошмар снился, – пожаловался Михалыч. – Будто вызвал меня к себе на ковер наш командир дивизии, генерал-майор Семисынов, и такого фитиля мне вставил, что до сих пор жутко. А за что – так и не сказал!

Я не ушел из номера: подобранный мной к отставному майору ключик действовал безотказно. Как только Михалыч засыпал – а он засыпал всегда первым – я командовал ему от имени неизвестного мне генерала Семисынова вести себя ниже травы, тише воды – и отставной майор обиженно и тихо, а главное, бессловесно сам спал всю ночь и мне давал высыпаться. Так что расстались мы почти друзьями.

Павел Гушинец

Дорогой гость

Было это в те смутные годы, когда наше правительство пыталось дружить с Южной Америкой, Африкой и Азией и почему-то совершенно не хотело дружить с Европой. Я служил в воинской части в качестве старшего лейтенанта медицинской службы и делал вид, что все знаю и умею.

Именно тогда у меня появилось несколько приятелей-военных. Таких же, как и я, молодых лейтенантов и капитанов, переведенных в нашу часть твердой рукой Министерства обороны. Про одного из них этот рассказ.

Как-то утром в части начался переполох. Всех собрали в огромный актовЫй зал Дома Офицеров, на трибуну вышел командир и торжественно прогремел в неработающий микрофон:

– Товарищи офицеры, на следующей неделе нашу страну с дружественным визитом посетит министр обороны южноамериканской республики Большая Патагония (название изменено, ибо военная тайна). Принято решение пригласить министра в нашу часть, как самую образцово-показательную в данном регионе. Мы с командованием долго думали, что показать высокому гостю. И решили разыграть батальную сцену из времен Великой Отечественной войны.

Командир сделал паузу. Наверное, он ждал долгих продолжительных аплодисментов, но народ безмолвствовал. Генерал кашлянул и заглянул в листок, лежащий на трибуне.

– Мы тут набросали кое-какой сценарий. Сначала в атаку пойдут немецко-фашистские захватчики, силами пяти танков и до полусотни единиц пехоты они прорвут нашу оборону. Но потом бойцы Красной армии воспрянут духом и обратят захватчиков в бегство. Реквизит возьмем на телевидении, я договорюсь. Танки покрасим.

– Ага, и «тигры» из музеев пригоним, – вполголоса сказал один из моих друзей, старший лейтенант Сергей (имя изменено – военная тайна).

Генерал обладал телепатическими способностями, поэтому фразу лейтенанта услышал.

– Под «тигры» перекрасим наши танки. Ничего, побудут немного немецкими. А вы, товарищ старший лейтенант, будете гореть.

– Как это? – икнул Сергей.

– По сценарию во время наступления один из наших танков будет подбит. Бросим несколько дымовых шашек. А из люка выберется объятый пламенем танкист и упадет, сраженный вражеской пулей. Мы решили, что это будете вы.

– А можно я откажусь? – с последней надеждой спросил Сергей.

– Товарищ старший лейтенант, вам Родина приказывает...

Ну, раз Родина – кто ж тут откажется.

Готовились в лихорадке. К деревьям проволокой привязали опавшие листья. На газоны спешно набросали вырезанные в поле куски дерна. Трещины на асфальте плаца замазали битумом. Издали приказ, запрещающий личному составу материться в присутствии высоких гостей. Покрасили танки. Половине намалевали красные звезды, половине – кривые черные свастики. На киностудии взяли форму. С оружием получилась накладка, поэтому и бойцов вермахта, и красноармейцев вооружили автоматами Калашникова.

Подготовили «гибель танкиста». Взяли старую телогрейку, пропитали спину какой-то

горючей гадостью. Прошли изнутри тремя слоями изолирующей ткани.

Утром приехал министр. В часть по раздолбанной дороге влетело три правительственных «мерседеса» и два «джипа» с охраной. Выскочил южноамериканец. Улыбается, руки всем пожимает, лопочет что-то. Вокруг него кольцо из негров в кашемировых пальто бежевого цвета – внутренняя охрана. ТАКИХ погон я еще не видел. Звезды на них снимали, наверное, с кремлевских башен. Вокруг внутреннего кольца – внешнее. Из наших безопасников. Рядом с министром – девочка-переводчица на высоченных шпильках.

Как говорится, приняли, поговорили и поехали театр смотреть.

А накануне, как назло, дождик прошел. И перепаханый танками полигон, где должно было происходить действие, превратился в море непролазной грязи. «Мерседесы» встали намертво. Министра с охраной пришлось пересаживать в уазики. Южноамериканец по-прежнему улыбался, лопотал и всячески веселился. Наверное, думал, что так по сценарию положено. Типа сафари.

На полигоне для высокого гостя соорудили дощатый помост. Министр сел в кресло, рядом устроилось наше командование. И действие началось.

Сначала с криками «Ура!» и «За Гитлера!» в атаку пошли матерые фашистские сволочи с откровенно славянскими лицами. Впереди всех в эсесовской форме с ПМ наперевес мчался «арийская белокурая бестия» капитан Джанибекян. Из немецкого капитан знал только «хенде хох» и «Гитлер капут», поэтому подбадривал бойцов исключительно по-армянски.

Красноармейцы не хотели отступать, поэтому в отдельных углах полигона завязались рукопашные схватки с превосходящими силами противника. Игнорируя приказ, немцы матерились. Вермахт пер, как в сорок первом.

Красная армия быстро пришла в себя и организовала контратаку.

К несчастью, два из пяти краснозвездных танков взрели моторами, но не завелись.

– Почему они стоят? – через переводчицу спросил министр.

– Они прикрывают наступление, – не растерялся генерал.

Красная армия двинулась в бой.

– Ну, с Богом, – сидя в танке, перекрестился лейтенант Сергей.

Напарник выбросил из люка две дымовые шашки и щелкнул зажигалкой.

Серега, объятый пламенем, с воплями и матами вывалился из люка. За танком его приняла пара капитана-танкиста, накрыли брезентом, потушили огонь. Лежат, курят: за дымовыми шашками все равно ничего не видно.

Рядом с танком в грязи лежит убитый немец.

– Пацаны, дайте покурить, – шепчет он, ибо форма на всех киношная, кто офицер, кто солдат – не разбирает.

– Лежи, гад, ты убитый.

– С...ки! Может, я раненый подползу?

– Лежи! Ты нам еще за Сталинград ответишь!

– Пацаны, шухер! Министр бежит!

– Какой министр? – танкисты забыли, что они убиты, и поднялись.

А южноамериканский гость так проникся сценой боя, что в восторге вскочил с кресла, перепрыгнул невысокую дощатую оградку и прямо по грязи полигона побежал к подбитому танку. Привычная к таким эксцессам охрана из негров, не жалея лакированных ботинок, бросилась следом. Больше всех было жалко девочку-переводчицу, которая потеряла свои

шпильки в двух шагах от помоста и, матерясь, побежала за министром босиком.

Ошарашенное командование части осталось на месте.

Министр хватал танкистов за руки, тряс их, непрерывно лопоча что-то по-испански. С Серегой полез обниматься. Серега обмер, видя, как на бежевом пальто министра от его грязной обгорелой телогрейки остаются страшные черные разводы.

В общем, спектакль прошел на ура.

Через неделю нас опять собрали в актовом зале Дома Офицеров.

И Сергею объявили *устную* благодарность от командования за проявленный героизм и артистический талант.

Павел Гушинец

Ванька-встанька

В девяностые годы работал я санитаром в приемном отделении городской больницы.

Летняя ночная смена выдалась на редкость тихой. На своих двоих приковывлял нетрезвый мужичок, вздумавший окунуться в реку в черте города. В результате наступил на стекло, распорол стопу, но спиртное обезболивающее работало хорошо. Так и топал в больницу по городу босиком, оставляя на асфальте кровавые следы.

Ближе к полуночи патруль привез бомжеватого алкаша. После капельницы пациент пришел в сознание и отреагировал на процедуру неожиданно благодушно. Даже традиционной драки с санитарями не затеял.

В полпервого мой напарник зевнул и сообщил, что пойдет в подсобку спать.

– Если лежачего привезут, ты меня буди.

И ушел. Стало совсем скучно.

Вдруг – скрип раздолбанных тормозов, в приемник вбегает женщина с выпученными глазами и с окровавленным кульком из одеяла в руках.

– Спасите!

Нам не привыкать. С такими криками в приемную каждую неделю прибегают.

– Что у вас случилось?

– Да вот, Ванечка! – И женщина разворачивает кулек.

Внутри мальчишка лет трех-четырёх. Все лицо измазано кровью. Перепуган больше матери и, видимо от испуга, молчит. Медсестра вызывает в приемную хирургов, врач осторожно расспрашивает мать.

Оказывается, в семье из поколения в поколение передается старая детская кровать. Такая, знаете, клетка на колесиках. Жуткое творение. Путь на свободу в этом устройстве преграждают железные прутья. Ванечка на волю очень хотел. А поэтому один из прутьев расшатал, выдернул из гнезда и по закону подлости на этот же прут открытым ртом и напоролся.

Мама увидела, что изо рта орущего ребенка хлынула струя крови, схватила, что под руки попало, и помчалась в больницу.

Приходит хирург Николай Иванович. Такой типичный хирург – мрачный дядька большого роста с огромными руками и толстыми пальцами.

– А ну-ка, Ванечка, открой ротик.

Ванечка смотрит на доктора, как Мальчиш-Кибальчиш на буржуинов. И крепко сжимает челюсти.

– Так, – вздыхает доктор. – Мама, уговаривайте ребенка.

Минут десять сюсюканий и уговоров. Ванечка держится, как Марат Казей.

– А вот, смотри – Дед Мороз полетел! – Хирург изображает удивленное лицо и смотрит в окно.

– Где? – вскакивает наивный Ванечка. И тут коварный доктор жертвует указательным пальцем. Ваня с укором смотрит на врача и сжимает челюсти.

– Б...ь! – интеллигентно восклицает Николай Иванович, стряхивая с пальца малолетнего Щелкунчика. – Похоже, сейчас не только мальчику потребуется медицинская помощь.

На помощь «безруким мужикам» приходит второй хирург – Галина Валерьевна. Каким-то чудом ей удается уговорить Ваню открыть рот.

– Повреждение есть, но ничего страшного, – улыбается Галина Валерьевна. – Железка распоролла мягкое нёбо. Выглядит страшно, но заживет быстро. Можно для порядка пару швов наложить.

– Шейте, – всхлипывает мать пациента.

– Несите Ваню в перевязочную, – командует мне Галина Валерьевна. – А вы, Николай Иванович, помогать будете.

Хирург оторвался от созерцания своего поврежденного пальца и кивнул.

Не тут-то было. Ваня понял, что его уносят на казнь, и внезапно завопил. Еще громче завопила его мамаша. От их сдвоенного крика я чуть не разжал руки. Еще чуть-чуть – и одной травмой нёба Ваня бы не отделался.

– Мамаша, перестаньте нервировать ребенка, – нахмурилась Галина Валерьевна. – Там возни – на две минуты. Если так переживаете – надевайте бахилы, халат, рядом постоите.

Мама Вани торопливо переодевается. Ваня орет.

Приношу пациента в перевязочную, укладываю на стол. Ваня орет. Ну и хорошо. Хоть рот открывать не придется. Николай Иванович наматывает на многотрадальный палец полотенце и с отчаянным вздохом вкладывает его в капкан. Ваня схлопывает челюсть.

– Б...ь, – интеллигентно стонет хирург. – Галина Валерьевна, шейте быстрее.

– Ванечка! – в истерике всхлипывает мамаша. И хлопается в обморок.

Ловить падающих в обморок – обязанность санитаров. Каюсь, я не успел. Руки у меня были заняты Ваней. Поэтому его мама с размаху ударяет головой столик с инструментами и растягивается на кафельном полу.

Николай Иванович в третий раз повторяет свою немногословную интеллигентную фразу.

К мамаше бросается с нашатырем медсестра. К счастью, видимых повреждений не наблюдается. Мама Вани хлопает глазами и с трудом приподнимается.

– Может, вы выйдете из перевязочной? – спрашивает Галина Валерьевна.

– Нет! – истерично вскрикивает мама Вани. – Я должна все видеть.

– Ну хорошо. – Хирург склоняется над малолетним пациентом, заносит шприц с обезболивающим.

И мама Вани снова беззвучно падает в обморок.

– Унесите ее, – сквозь зубы рычит Галина Валерьевна.

Две медсестры, поднатужившись, вытаскивают бездыханное тело в коридор.

Ребенок орет уже не столько от боли, сколько от страха. Еще бы – вокруг него толпа незнакомых дядек в белых халатах, еще и мама постоянно падает. К слову, в перерывах между обмороками мама Вани тоже не отличалась адекватным поведением. Хватала меня за руки, отталкивала хирургов. Короче, помогала как могла.

– Ваня, посмотри на меня! – командует Галина Валерьевна.

Ребенок переводит на хирурга заплаканные глазенки, и тут доктор двумя ловкими движениями зашивает ему нёбо.

– Ну вот, а крику-то было, – вздыхает Николай Иванович, осторожно высвобождая многотрадальный палец из Ваниных челюстей.

– Маа-ама, – подвывает мальчик.

– Теперь можно и маму запустить.

Галина Валерьевна с довольной улыбкой открывает дверь перевязочной.

Мама Вани видит окровавленную мордашку своего сына и... молча падает в обморок. Причем делает это настолько быстро, что поймать ее снова не успели. Невезучая мамаша расколола головой стеклянный столик, и следующие полчаса мы зашивали рваную рану уже на ее затылке.

Мой приятель Андрей работает в одном из хирургических отделений столичной больницы. Коллектив у них, в принципе, сыгранный, в основном интеллигентный. С недавних пор так вообще что-то старорежимное проскакивает. Друг к другу все на «вы», да по имени-отчеству.

– Андрей Николаевич, не передадите ли вы мне кофе?

– Возьмите, Сергей Stanisлавович.

– Спасибо, Андрей Николаевич.

– Не стоит благодарности, Сергей Stanisлавович.

Или.

– Анна Сергеевна, держите крючки ровно, мне шить неудобно.

– Простите, Вадим Иванович, устала, как лошадь. Сутки на ногах.

– Вам, Анна Сергеевна, отдыхать надо больше.

– Так жрать нечего будет, Вадим Иванович. Два кредита у меня, и детей двое.

Короче – тьфу, Шариков бы точно с ума сошел!

А все из-за начальства. Года три назад на должность заведующего отделением заступил очень опытный пожилой хирург Иван Иванович. И на первой же пятиминутке, когда будущий Сергей Stanisлавович гонял медсестер в хвост и в гриву за какие-то проступки, молчавший до этого заведующий взял слово:

– Сергей Stanisлавович, как вы выражаетесь?

– А что? – подвис хирург.

– С коллегами надо общаться максимально корректно, обращаясь по имени-отчеству.

Применять слова ненормативной лексики в профессиональном разговоре так же недопустимо. И что это за фраза: «Анька-зараза, опять бумажки не заполнила»? Нужно вот так: «Постовая медсестра Анна Васильевна допустила просчеты в заполнении документации отделения». Не сложно ведь?

Лица хирургов и медсестер в этот момент напоминали лица Косого, Хмыря и Василия Алибабаевича из «Джентльменов удачи».

– А для закрепления данного общения я издам приказ по отделению, – с улыбкой пообещал Иван Иванович.

И ведь издал, паразит. Да еще и со штрафами. За нецензурное слово – рубль, за обращение не по уставу – пятьдесят копеек. Не много, но обидно. И еще ходит сзади, замечания делает.

Потихоньку привыкли. Ходят все по отделению, чуть не раскланиваются. Вадим Николаевич, да Анна Сергеевна. Даже на ночном дежурстве, в отсутствие начальства, выражаться перестали. Скукотища.

Однажды приезжает Андрей на работу и слышит из ординаторской незнакомый, но очень громкий голос.

– А я говорю ему, с...ка. Какого х... ты, боец, в казарме отсиживался? Теперь мне проще тебе эту ногу отрезать, чем вылечить.

И следом такой громоподобный хохот, что склянки в шкафах дзынькнули. Причем и рассказывал, и хохотал один и тот же человек.

Заглядывает Андрей в ординаторскую, а там сидит на диване здоровенный тип с седыми висками, пьет огромными глотками кофе из его, Андрея, чашки и уже новую историю начинает. Причем с такой громкостью, что склянки опять дзынькать собираются. А весь прочий медперсонал забился в противоположный угол, отгородился дареными печеньками и сахаром и наблюдает за гостем в каком-то испуге.

– Что тут у вас происходит? – осведомился Андрей.

Седой всем корпусом повернулся к нему.

– А? Здорово, коллега! Михалыч! – И сунул Андрею лопатообразную руку.

Андрей в юности занимался борьбой. Участвовал в чемпионате города и проиграл какому-то дагестанцу, применившему болевой прием. С тех пор борьбу забросил, разочаровавшись в силовых видах спорта. Так вот, этот болевой прием дагестанца и близко не стоял по эффективности с рукопожатием Михалыча. В кисти Андрея что-то предательски хрустнуло. И сам собой всплыл в памяти образ знакомого травматолога, к которому обязательно нужно зайти после дежурства.

– Это наш новый врач, Алексей Михайлович, – робко представила новичка Анна Сергеевна.

– Прошу любить и жаловать! – Михалыч отхлебнул сразу полкружки кофе, метко выплюнул в умывальник нерастворимый коричневый порошок и снова потянулся за чайником.

– А вы где раньше трудились? – поинтересовался Андрей.

– Так в медроте! – признался Михалыч. – В десантной бригаде. Вот, на пенсию вышел, а здоровье-то еще о-го-го! Сидеть дома – тоска смертная. Сопьюсь! Я и напросился по знакомству в вашу больницу.

– По знакомству? – Андрей недоуменно глянул на своего коллегу Вадима Николаевича.

Тот закатил глаза, поднял палец вверх и сделал очень серьезное лицо, давая понять, что знакомства у Михалыча ну о-очень на высоком уровне.

– Да мы с Колькой служили вместе, – не стал скрывать Михалыч.

– А Колька – это кто?.. – полюбопытствовал Андрей.

– Ну ты, блин, даешь! – хохотнул новичок. – Колька нынче замминистра! Высоко забрался, гаденыш! А ведь когда-то у нас в кубрике сахар тырил!

И Михалыч снова расхохотался – так громко, что внизу, в терапевтическом отделении, у пациентов подскочило давление.

– Иван Иваныч еще не заходил? – спросил Андрей у ординаторской.

Коллеги слаженно помотали головами. Столкновение титанов еще не состоялось.

Состоялось оно на ближайшей пятиминутке.

– Алексей Михайлович, – в ответ на очередную тираду бывшего военврача поморщился завотделением. – У нас тут так не принято.

– Чего?! – громыхнул Михалыч. – Иваныч, ты не стесняйся, говори. А то я в чужой, б..., монастырь, да со своим уставом. А устав у меня – караульной службы! Га-га-га!

Сам пошутил и тут же сам расхохотался.

Иван Иванович слегка покраснел и принялся долго и нудно объяснять про субординацию, про обращение по имени-отчеству, про недопустимость нецензурных выражений.

Михалыч слушал минут двадцать с очень серьезным лицом, кивал. А потом громыхнул:

– Все понял, Иваныч! Постараюсь, чтоб больше такой х... не было!

И вправду затих слегка. Заменял в своей речи откровенно матерные слова на созвучные. К коллегам стал обращаться по имени-отчеству, но в своей манере.

– Анька, мать, Сергеевна, жеваный крот! Какого топиамбура Семенов из третьей палаты еще не побрит? У него операция сейчас!

И не придерешься. Все цензурно и по имени-отчеству. А то, что многострадальные склянки с физраствором в шкафах дзынькают, так это не его проблемы!

Иван Иванович честно старался. Ходил за Михалычем шаг в шаг, делал ему замечания. Михалыч выкатывал глаза почище царского унтера, вытягивался по струнке перед начальством и гаркал:

– Виноват-дурак-исправляюсь!

И шел работать. Работал он, кстати, отлично. Опыт у бывшего десантника оказался нешуточный, но уж очень специализированный. Вскоре хирурги всех пациентов с колотыми-резаными ранами старались передать Михалычу. В этом направлении он творил настоящие чудеса. А дежурить с ним ночью было одно удовольствие. Любой нетрезвый пациент, разоравшийся на медсестру, удаивался короткой рубленой фразой от военврача. И тут же затихал. А особо непонятливым Михалыч подносил к носу пудовый кулак.

– Чуешь, чем пахнет, с-сударь?!

Буяны чуяли. И затихали.

Иван Иванович старался. Исправлял, уговаривал, делал замечания. Пробовал избавиться от шумного подчиненного, но ему погрозили пальцем действительно с самых верхов, и заведованием погрузился.

Сдался он совсем недавно. А случилось это так.

Поступил в отделение студент с холециститом. Обычный студент, третий курс столичного универа. Худой, длинный, костлявый. Вот только черный, как битум. Андрей таких черных не видел никогда. Уилл Смит с Майком Тайсоном по сравнению с этим студентом – белокурые шведы. Тот – настоящий, чернющий, из самой Танзании.

И вот на обходе в палате с вновь поступившим хирург Сергей Станиславович докладывает заведующему:

– Вчера в семнадцать ноль-ноль в приемное с диагнозом «острый холецистит под вопросом» поступил негр Юсуф Тинубу, студент третьего курса...

– Сергей Станиславович, – тут же перебил его заведующий. – Ну как так можно?

– Что? – поднял голову от бумаг хирург.

– Ну что это за выражение – «негр»? Надо как-то корректнее. Гражданин Танзании, к примеру. Или африканец. Разве вы не знаете, что у них там это обидное слово?

Сергей Станиславович посмотрел на Юсуфа Тинубу. Юсуф Тинубу посмотрел на Сергея Станиславовича. Он сам офигел от того, что у него на родине «негр» – это обидное слово. Но если белый бвана так говорит, то, наверное, так и есть. Впрочем, ему, Юсуфу, пофиг. У него живот болит.

– Да, как-то некрасиво получилось, – смутился Сергей Станиславович. – Извините, пациент.

– Есть такое понятие: толерантность. – Только Иван Иванович сделал соответствующее выражение лица, намереваясь прочитать небольшую лекцию, как в палату ворвался Михалыч, опоздавший с утра в отделение.

– Тысяча извинений! – громыхнул он с ходу. – Маршрутка, самка псовых, застряла. А мне девки с поста хохму сейчас рассказали. Ну, где тут наш копченый?!

Иван Иванович тут же сник, опустил голову и без дальнейших лекций продолжил обход. И больше никогда не делал замечаний подчиненному. На этом противостояние титанов закончилось.

Нина Левина – литературный псевдоним писательницы из Керчи. Член Союза писателей Крыма. Работает в жанре реалистической и фантастической прозы. Публиковалась в литературных журналах «Молоко», «Автограф», «Белая скала», «Edita», «Literra», «Литерра Нова», «Машины и механизмы» и др. Лауреат различных литературных конкурсов, автор приключенческо-фантастических романов «Сквозь портал» и «Хранитель сфер», а также детской книги «Три новогодние сказки». Личная страница: <https://vk.com/id547344364>

Димитрова Галина Викторовна родилась в Ленинграде, но уже давно живет на самом западе России. Всю жизнь работает в Калининградской областной научной библиотеке. Любит путешествия, рыбалку, море, лес. Пишет стихи и прозу. Регулярно печатается в региональных и российских журналах и альманахах. По итогам регионального конкурса Правительства области в 2018 году издана книга рассказов «Просто жизнь». С 2020 года член Союза российских писателей.

Олег Сергеевич Гонозов – член Союза российских писателей, лауреат премии «Золотой теленок» Клуба 12 стульев «Литературной газеты». Публиковался в юмористических изданиях России, Израиля, США, Канады, Германии. Автор книг «Поддельный Гоголь», «Везунчик», «Домашняя Эммануэль», «Не только юмор», «Из Кошанска в Москву», «Записки пенсика» и других. Живет в Ярославле.

Юлия Чаглуш – писатель, автор многих популярных рассказов, получивших признание сотен тысяч читателей Рунета, соведущая курсов для писателей «История, которую прочтут». Любимые жанры – юмористическая и современная философская проза. Книги: «Сансара», «Жизнь в черно-белых тонах», «Ассорти по-домашнему» изданы общим тиражом больше двух тысяч экземпляров. Сейчас готовится к печати четвертая – «Жизнь в черно-белых тонах (часть 2)». В обычной жизни – мама, жена, дочь, хозяйка кота и по совместительству доцент кафедры в университете. Личная страница: <https://vk.com/usyachaglush>

Татьяна Попова – экономист, кандидат экономических наук. Автор рассказов, сказок и повестей для детей и взрослых.

Геннадий Петрович Авласенко – член Союза писателей Беларуси. В период с 2009 по 2020 гг. в крупнейших издательствах Республики Беларусь («Мастацкая літаратура», «Выдавецкі дом «Звязда», «Беларусь», «Харвест» и др.) вышло более тридцати книг автора, частично на белорусском, частично на русском языках. Почти все из этих книг – детские сказочные повести и сборники, а также взрослая фантастика самых разных жанров.

Артемьев Алексей Сергеевич родился 22 октября 1991 года в селе Ефаево Краснослободского района республики Мордовия. Учился в Ефаевской средней школе, окончил филологический факультет Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (2014). Проживает в Саранске. Трижды финалист российско-итальянской литературной премии «Радуга» (2016, 2018, 2020). Лауреат премии им. А.И. Полежаева за повесть «Деревья и птицы» (2017). Победитель конкурса «Добрая книга» с рассказом «Прозрение» (2016). Опубликовал две книги: «Прежде чем уйти» (2013), «Деревья и птицы» (2016)

Владимир Ржин. Рассказы автора опубликованы в различных литературных сборниках и журналах. (Последняя публикация – журнал «Химия и жизнь» № 6 за 2019 г.) Стоит

набрать его редкую фамилию в поисковике – что-нибудь да найдете!

Майоров Вячеслав Николаевич. Образование – высшее. Специальность – учитель, профессия – рабочий. В 15 лет начал писать стихи, прозу. Печатался в местных печатных изданиях «Точка зрения», «Заголовок» и других, а позже и на литературных сайтах (Поэзия.ру, Проза.ру, Интерлит...), где опубликованы сборники стихов «В запахе полыни», «Мой путь», поэма-сказка «Кот в сапогах», а так же юмористические рассказы, новеллы и зарисовки. Автор множества пьес.

Валеев Марат Хасанович – автор и соавтор более двух десятков сборников юмористических рассказов и фельетонов, художественной прозы и публицистики, лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов. Член Союза российских писателей. Живет в Красноярске. Личная страница: <https://vk.com/id229084479>

Павел Гушинец – белорусский детский и взрослый писатель. Автор серии сборников юмористических медицинских рассказов, книг по воспоминаниям жителей оккупированных во время ВОВ территорий и ряда книг для детей. Также известен под псевдонимом Доктор Лобанов. Авторская страница: <https://vk.com/public139245478>